

Борис Садовской
ЧЕРНЫЙ ПЕРСТЕНЬ¹

Историческая повесть времен Иоанна Грозного

Глава первая
Земля золотого престола

Царство Ширванское, краса Кавказского края, издавна славилось по всей Азии богатством и красотой. Аравитяне, доходившие некогда до благословенных его пределов, прозвали Ширван «Землей золотого престола»; имя это осталось за волшебною страной на долгие дни. Так плодоносна и прекрасна была ее тучная земля, что, рассказывали восточные поэты, кроме соловьев не водилось здесь никаких иных птиц, а изо всех цветов распускались в Ширване одни розы. Еще издали приветствовал восхищенного путника с предгорий ароматный ветер: то клубились, нежно дыша, в белых, желтых и алых розовых долинах цветистые рощи; розы творили вечерний намаз стыдливым шепотом, целомудренно колыхаясь, а утренний первый ветерок, чуть тронувший их, весь благовонный и нежный, летел радостно к долинам и холмам, неся вести о пробуждении немых красавиц дремавшим соловьям. Тотчас начинались со всех сторон свисты, удары, щелканье, переливы и рокотанье соловьиных струн: крылатые певцы вдохновенно отвечали розам на душистый привет. Так ароматы и песни вторили, мешаясь взаимно, друг другу, безмолвные вздохи со вздохами песенными сливались, и Аллахом увенчанный поэт, слушая томный хор, бросал в бессильном восхищеньи прочь струнчатую лиру и склонялся пестрой чалмой, провидя, что никакие человеческие стихи не превзойдут чудодейственных соловьиных песен, и что благоухание нежных слов умрет неслышно в благоуханиях роз утренних и вечерних. К рассказам простодушных поэтов, падавших в неистовом восторге на землю, кидая в воздух и топча ногами чалму, алчные персидские купцы, разглаживая крашенные бороды и осторожно всей пятерней перебирая золото в глубоких карманах, добавляли, что богатства Ширвана превосходят

---

¹ Публикуется впервые с авторизованной рукописи, находящейся в фонде «Товарищества издательского и печатного дела А.Ф. Маркса» (РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 228) [Садовской РГАЛИ]. Публикация, подготовка текста и комментарии Ю.А. Изумрудова.

все, что только может выдумать человек, о чем не в силах рассказать никакая Шехерезада, что ничего подобного никогда не видели они в азиатских землях, странствуя по степи на качающихся мерно двугорбых верблюдах и на упрямых, ревуших пронзительно ослах; даже в странах вечного зноя, где путники медленно едут на слонах, держа лук наготове, дабы из тростника не выбежал свирепый, с ногами, как ступы, бегемот или пестрый тигр не вскочил на голову слону: даже там, в африканских джунглях, не встречали они такого неслыханно-дивного изобилия щедрой природы; жирные, тяжелые овцы Ширвана сияют все золотым руном: будто из чистого золота шерсть их завивается лучистыми клубками червонных ниток; в подтверждение своих слов торговцы вытаскивали из бездонных карманов блестящие мотки тяжелых золотых шерстин и предлагали слушателям купить их за высокую цену, ибо про золотую овечью шерсть еще не слышано нигде.

Город Шемаха, столица Ширвана, издали являл чудный и странный вид. Днем, когда розы млели беспомощно под огненным колесом солнца, свернув усохшие, потускневшие лепестки, соловьи, забившись в тайники кустов, молчали, и одни лишь золоторунные овцы, тяжело дыша, стадами лежали по долинам, подогнув колени, — Шемаха казалась зачарованным сказочным виденьем: плоские крыши легких разноцветных домиков, купола важных дворцов, тонкие игольные минареты, пестрые башни, рвы, всё в волнах полуденного миража струилось, исчезало, яснило на миг, как под огромным стеклом, и пропадало опять. Не то вечером: солнце, насытившись зноем, тихо опускало в ясное море свой раскаленный щит; он нежно шипел, и алые пары, слетая легким дыханьем на закатившиеся вершины снежных кавказских гор, несли в долины чистую прохладу и свежую тишину. Тогда дневное волшебство исчезало, будто по вешему мановенью: бесконечные заросли диких роз струили горячими волнами ароматные вздохи: желтые, розовые, палевые, лиловые, белые и алые розы, как покорные девы-невольницы, млели на кустах и замирали от счастья. Сладкие любовные зовы безмолвных красавиц без ответа не оставались: тотчас, один за другим, взывали к ним соловьи; один за другим, вспархивая, слетались каждый к своей подруге и до глубокой ночи пели им про свою любовь. Месяц восходил медленно над Ширванской долиной, в его ровном серебристо-голубом сиянии кружевом воздушным чуть прорезывались зубцы стен, карнизы дворцов и иглы минаретов; гортанные оклики муэдзинов воз-

162

носили благодарение Аллаху за протекший блаженно день. В легкое звонкоголосое свистанье и раскатные трели упоенных восторгами соловьев ласковым лобзанием врывались шепоты студеных фонтанов; били серебряные, сладкозвучные, как поцелуи, ключи из мраморных, вдруг заголубевших под месячными ласками, темниц. Кофейни и лавки, пестрея, оживлялись: правоверные в зеленых и белых чалмах, в высоких тюрбанах, скользя остроносыми туфлями, сходились для вечерней беседы; опираясь на широкие ятаганы, слушали они сказки и пение бродячих сазандарей, и рокот струнный изнывал в вечернем воздухе, вторя рокоту соловьев. Лунными задумчивыми виденьями мелькали порой, в голубоватом узоре причудливых решеток, белые стройные красавицы под трепетными чадрами.

Много лет тому назад (рассказывают поэты) там, где теперь колышутся, движась воздушным розовым океаном, долины дышащих сладко цветов, высился среди бесплодной и дикой степной пустыни пышный дворец прекрасной волшебницы Диль-Арам. Красота ее была так совершенна и так необычна, что сам Аллах с высоты небес пленился божественною девой и запретил беспощадному времени касаться шемаханской царицы: смуглый Азраил, ангел смерти, должен был в предуказанный роком час живую отнести ее на своих темных крыльях в чертоги Аллаховы, прямо на небо. Молва ступая о чудной красавице Диль-Арам гремела по всей необъятной Азии и добежала не только до священных истоков Ганга, но прынула даже к желтой китайской стене, к престолу Великого Могола. Принцы, царевичи, короли, знатные юноши, мудрецы, богачи, поэты, даже простые странники и дервиши, все стремились ко дворцу божественной Диль-Арам с одною заветной целью: поцеловать ее благоухающие уста. Каждый из этих дерзновенных счастливцев знал, что ему предстоит: красавица за поцелуй превращала отважного в серую тщедушную птичку, а червонцы и серебро, принесенные к ее ногам, приказывала запираť навсегда в глубоких подвалах. Не однажды каменистые уступы щербатых гор, низводивших путников к ступеням дворца волшебницы, видели перед собой то индийских раджей с черными скулами и кудрявыми бородами, в залитых алмазами кафтанах и рогатых огромных шапках; то желтолицый китайский принц взбегал легко и быстро по дворцовым ступеням на белых башмаках, развевая широкой синей юбкой, и змеей за спиной у него трепалась тяжелая, туго заплетенная коса, пока отсыпал он звенящие жалобно червонцы неумолимым слугам красавицы, взиравшей равнодушно

на него из окна безмятежно-лазурным оком. После истомного блаженно-долгого поцелуя, не успевал схватиться за сердце влюбленный страстно безумец, как чувствовал он, – начинает делаться все меньше и меньше: точно уходит в самого себя; вместо рук распускались у него, взмахивая тревожно, два серых крыла; ноги покрывались дымчатым пухом и рубчатой кожей, и вот уже на месте юноши, пылавшего мужеством и здоровьем, безгласная серая птичка выпархивала в открытое окно.

И много уже красавцев и мудрецов погибло по воле тайного волшебства, много опустело дворцов и осиротело тронов, пока, наконец, не взмолился народ к Аллаху. Тогда сам святой пророк Магомет сошел на землю, приняв образ дервиша дряхлого и полуслеплого; смиренно явился он во дворец красавицы и просил поцелуя. Но гордая Диль-Арам, увидя нищенскую одежду и седины пророка, засмеялась ему в ответ и приказала страже выгнать пришельца метлами. И воспрянул пророк Магомет в величавой своей красе, и заклил волшебницу извечным заклятьем. Тотчас могучий Азраил, ангел смерти, зашумев крылами подобно буре, понес испуганную Диль-Арам через моря и пустыни; чудный дворец ее распался и рассыпался в прах; все золото, таившееся дотоль в глухих подземельях и подвалах несметным богатством, расплавилось по одному слову пророка и потекло огненными струями под землей; все поцелуи, прозвучавшие некогда на устах Диль-Арам² ожили и, воплотясь, преврати-

---

² Мы не нашли конкретных источников рассказанной Садовским истории Диль-Арам. Но известно, что в культуре Востока бытовало немало легенд о коварной обольстительнице. Садовской мог в весьма вольной интерпретации передать какую-либо из них или же, просто используя общий колорит легенды, сочинить что-то сугубо свое. Не исключено, что одним из творческих импульсов для Садовского стала знаменитая баллада М.Ю. Лермонтова «Тамара» (1841), основанная на кавказских преданиях и сказаниях. Лермонтов был *знаковым* автором для него. Садовской всерьез изучал его творчество, посвящал ему статьи, стихи, художественную прозу.

Диль-Арам (Диларам) – распространенное имя на Востоке, имеет персидские корни; означает «услада сердца». Увековечено поэмой замечательного узбекского классика Алишера Навои «Семь планет» (1484). А также красивой восточной легендой об истории названия шахматного этюда (которая впервые была приведена в шахматной ру-

лись в благоуханные розы, а серым птичкам дан был милосердным пророком чудный дар вдохновенных песен, и с тех пор называют их соловьями. И каждую ночь вспоминают, рыдая, соловьи свое чудесное превращение, но только придет им на память волшебный поцелуй, как они начинают ликовать и заливаются песнями в избытке счастья.

С тех пор по всему свету звучит соловьиная тоска и поют соловьиные восторги, и не было, нет и не будет на земле поэта, который бы равняться мог вдохновением с крылатым певцом.

Глава вторая Шах Ширванский

Шах Ибрагим, властелин и повелитель Ширванского государства, едва успел вступить в двадцать вторую весну. Юный и стройный, с белым покатым лбом и агатовыми задумчивыми глазами, огромными, как две сливы, шах Ибрагим, невзирая на ранний возраст свой, мудро управлял царством. В благодатном Ширване все процветало тихо и радостно, и медовой рекой катилась жизнь; от века не было здесь ни возмущений, ни тревог, ни войны, ни распрей междоусобных, ни голода, ни моровой язвы. Жители добывали золото и серебро; ковали тонкой резьбы кувшины, кубки, цепочки, запястья и ожерелья для жен, рукояти для сабель и ятаганов; женщины варили розовое варенье и приготавливали шербет.

кописи персидского поэта Фирдоуси ат-Тохитала (1503)). Согласно ей некий богатый и знатный купец, страстный поклонник шахмат, сражался однажды с сильным противником и проиграл все свое состояние. Тогда он в азарте и отчаянии поставил на кон самое дорогое для себя, свою «усладу сердца», красавицу Диларам. И все шло к тому, что мог бы лишиться и ее. Соперник уже потирал руки в предвкушении обладания очаровавшей его Диларам. Тогда она в критический момент партии подсказала купцу элегантный ход с пожертвованием двух ладей и объявлением мата, и тот счастливо отыгрался, и честь Диларам была спасена. Подсказанная красавицей позиция получила в истории шахмат название «Мат Диларам». В средневековье «Мат Диларам» оказался прообразом около 200 «задач на пари».

Магия, связанная с именем Диларам, без сомнения, могла учитываться Садовским, большим любителем всяких романтических историй.

Над Шемахой вставало чудное весеннее утро, но Ибрагим был не в духе. Ему плохо спалось в эту прекрасную ночь. В просторной шахской опочивальне шелковые, лебяжьего пуха подушки разбросаны были ворохом на мраморном гладком полу, над коврами из персидского узорного шелка. Фонтан всю ночь слабо лепетал и нашептывал молодому шаху свои бессвязные сказки, извергая непрерывно болтливую струю из мраморной львиной пасти, и только перед зарей, когда зазвенели еле слышно первые робкие отклики соловьев, и дыханье роз слышней стало пробиваться сквозь опущенные, из цветных тканей занавеси, шах забылся легкой дремотой, склонив кудрявую голову на ладонь.

Едва пробудился Ибрагим, как мальчишки-слуги, вбежав проворно пестрой и как бы пляшущей вереницей, откинули занавеси, собрали с полу подушки и, отворив тяжелую, литого золота, с хитроумной резьбой дверь, ждали, опустив благоговейно детские взоры, чтобы шах по коврам прошел в приготовленную прохладную баню. Здесь огромный, высокий покой весь расписан был золотом, отделан яшмой и ляпис-лазурью; пышный водомет взвевал до самого потолка тончайшую, мелко-серебристую пыль. В два ряда черные невольники и евнухи в блестящих цветных одеждах держали в протянутых далеко руках золотые тазы и рукомойники, все в яхонтах и изумрудах. У иных приготовлены были китайские кривые кувшинчики и турецкие узкие сосуды с розовой водой, различными притираниями и восточными пряными духами; те держали наготове драгоценные, из павлиньих и райских перьев огромные опахала; другие возносили высоко серебряные легко-кованные подносы с дымящимся черным кофеем, сладостями, заедками и плодами. Пятьдесят рабынь в белых сквозных одеждах, осененные прозрачными покрывалами, ожидали с арфами в руках, готовые заиграть. На резных высоких курильницах проворные смуглые отроки вздували благовонные угли; ароматы алоэ, смирны и нарда, воздымаясь, сладостно дышали. Когда на белое, нежное, как у невесты, тело Ибрагима брызнула свежая вода, он вздохнул отраднее и вольнее; улыбка шаха, светлая и тихая, сообщила стоявшим в безмолвном ожидании у дверей придворным. Тощий, как водяной паук, великий визирь подтолкнул локтем толстяка-казначей. У главного евнуха желтое жирное лицо все расплылось, как тесто, в беззубую улыбку; слуги веселей подвинулись со своими чашами, куреньями и тазами; мальчишки бойко переглянулись.

Шах опустился на широкую, голубого атласа, с золотыми кистями и серебряной бахромой, софу; тотчас черные и белые невольники, приблизясь, усердно принялись одевать владыку. В то же самое время зазвучала музыка: арфы то тихо и томно стонали, будто задыхаясь, то гулкими звуками призывали к радости и веселью; серебрястые колокольчики нежно ударяли и заливались вдруг. Скоро шах был одет в шуршащий, цвета желтой розы, кафтан, опоясанный широким пестрым поясом, с кистями, бляхами и цепочкой сбоку; за пояс ему главный оружничий заложил своими руками кривой, дамасской чистейшей стали, с вырезной, осыпанной крупными камнями рукоятью, кинжал. Черные шелковые кудри шаха Ибрагима охватил плотно пунцовый шитый тюрбан из легкой, как пена морская, персидской ткани; кисейные завязки тюрбана упали на затылок. Тут подступили красивые невольницы умастить шаху бороду и завить усы; золотой гребень пробежался ласково несколько раз по вьющимся волосам; драгоценные духи пролились на белые руки шаха и на сафьянные узорные сапоги; тонкие пальцы унизились один за другим рядами сверкающих, как солнечные лучи, перстней.

Ни одного еще слова не вымолвил во все время молодой шах, и царедворцы молчали, ожидая подобострастно, чтобы повелитель заговорил. Одевшись, Ибрагим махнул рукою; музыка тотчас смолкла и слуги бесшумною вереницею удалились попарно. Тогда, взглянув милостиво в сморщенное лицо великому визирю, ожидавшему приказаний у двери, шах Ибрагим сказал:

– Здравствуйте.

Сановники все разом выступили вперед и, преклоняя колени, воскликнули дружным хором:

– Привет священному имени твоему!

– Фузул-ага, – продолжал шах, обращаясь благосклонно к визирю, – какие новости ты принес нам?

Сухой, как палка, великий визирь опять поклонился в землю.

– Царь царей, нового ничего нет пока в благословенной твоей державе. Благодарение щедрому Аллаху и его пророку. По-прежнему розы цветут и поют соловьи. По-прежнему благоденствуют подданные твои под ясным солнцем Ширвана, вознося хвалу небу и моля о твоём здоровье.

Ибрагим поморщился и лицо его потускнело.

– Ах! – воскликнул он и привстал с софы, причем сановники, шарахнувшись вдруг, как испуганное стадо, опять попадали на ко-

лени. – Который уже год я все это слышу от тебя! Неужели ничего другого ты мне рассказать не можешь? Я изнываю от тоски среди моих соловьев и роз, и хоть бы раз один кто-нибудь из вас сказал бы мне что-нибудь новое, иное, принес бы мне то, чего я не видел еще и не знаю!

Сановники еще ниже потупили головы, как приговоренные к казни. Казначей, тяжело дыша, сложил толстые руки и хрипло заговорил:

– Солнце земли! Твоя сокровищница обогатилась вчера новым редким подарком. Крымский хан Девлет-Гирей прислал с посольством тебе седло из чистого золота, изукрашенное резьбой и дорогими камнями. Такого великолепия...

– Вздор! – крикнул шах, гневно швырнув на пол кинжал, и казначей в испуге поспешил спрятать бородатое красное лицо в пушистых складках ковра. – Что мне седло крымского хана, когда я и так не знаю, куда девать мне свои богатства? Кладовые мои ломаются от избытка сокровищ; золота, серебра и камней у меня больше, чем во всем Ширване роз и соловьев!

В самом углу, из-за вельможных спин, выглядывал суетливо юркий остробородый человек, в зеленой чалме и белом халате. То был придворный поэт Халеф.

– Халеф, – вымолвил устало Ибрагим, и поэт, проворно подбежав, простерся ниц перед шахом. – Может быть, ты скажешь мне что-нибудь новое, чего я еще не знаю?

– Средоточие мира! Я могу прочесть новую мою оду в честь твоего величества.

Шах досадливо усмехнулся и махнул рукой. Халеф не понял знака повелителя и приготовился было развернуть длинный свиток, но великий визирь Фузул-ага вовремя остановил усердного поэта, схвативши его за воротник.

Тогда евнух, переваливаясь селезнем, подполз на коленях к шаху и, ловя губами острые носы его сапогов, вскричал:

– Тень Аллаха на земле! А твой великолепнейший гарем, полный изумительнейших, божественных красавиц, явившихся сюда со всего света? Где еще в мире, у какого императора или царя найдется такое великолепие? Девы всех стран здесь, у твоих царственных ног, ожидают, покорные, твоего единого взгляда! Не только прекрасные азиатские женщины и розы, возвращенные под благодатным небом Ширвана, подобные красотой прабабке нашей, несравненной красавице

вице Диль-Арам, но даже ленивые белые московитки и сухие костлявые дочери франков удостоились высокой чести и несказанного счастья делить ложе с владыкой золотого Ширвана. И, клянусь пророком, если твой гарем тебе приходится не по вкусу, то я не знаю, чего еще можно желать смертным на здешней земле!

Ибрагим вздохнул. Грустная улыбка прояснила ему чело.

– Их слишком много, Сычан-бег, – сказал он евноху, потрепав его жирный, трясущийся затылок. – Клянусь Фатимой, избранницей великого пророка, если бы я встретил одну только женщину, которая бы могла заменить мне всех этих, я был бы счастлив. Сердце мое говорит мне, что женщина эта где-то есть. И тому, кто мне ее даст, я подарю все мои сокровища и гарем в придачу.

Вельможи и сановники боязливо переглянулись. Слова шаха им были непонятны.

– Царь царей! – возгласил вестник с порога. – Пресветлая мать твоя, вдовствующая царица, хочет увидеть божественное твое лицо.

Шах вышел, понурясь; придворные низко склонились перед ним.

Глава третья Благословенный талисман

Шелестя атласной огненной подкладкой желто-золотистого кафтана, шах Ибрагим медленно и величаво прошел по высоким залам великолепного своего дворца. У всех дверей встречала его вооруженная с головы до ног стража, и блистали сабельные клинки на закованных в железо плечах; склонившимся перед ним раболепно спинам дарил Ибрагим едва заметные снисходительные кивки. Хохлатые, с зелеными крыльями и толстыми клювами, будто окрашенными в пунийский крок, попугаи кричали весело ему вслед, раскачиваясь на огромных золотых кольцах; проворные обезьяны, ласкаясь, хватали Ибрагима за полы шуршащей одежды и теребили струйчатые агатовые завитки благоухающих шаховых кудрей.

Перед низкой, окованной белым серебром дверью, ведущей в покои вдовствующей царицы-матери, шах остановился, помедлил немного и, нагнувшись, wszшел.

Мать Ибрагима сидела в глубоком кресле. Она была слепа, но прозрачные, будто топазовые глаза ее устремлялись прямо в глаза молодому шаху; не сводя с него незрячего взора, старуха протянула

желтую руку. Ибрагим почтительно облобызал сухие пальцы, опустившись перед матерью на колени.

– Все тоскуешь?

– Тоскую, матушка.

– По женщине?

Ибрагим не ответил. Он молча смотрел в решетчатое окно, где розовели и желтели ковры цветов.

– Когда розе суждено опасть, никакие силы не спасут ее лепестков, – помолчав, заговорила старуха. – Когда восходит солнце, умолкает соловей, и нет той власти на земле, которая заставила бы его запеть. Судьба каждого из них записана у Аллаха в священной золотой книге. Смерть же вычеркивает из книги имена наши черным пером из Азраилова крыла. Благословляю тебя, сын мой. Спешу. Пора.

– Куда, матушка?

– Ты узнаешь об этом от первого человека, что встретит сегодня тебя на пороге дворца перед прогулкой. Но не медли, Ибрагим. Завтра же ты должен пуститься в далекий путь.

– А дела правления?

– Об этом не беспокойся: у тебя есть брат.

С заблиставшими радостью глазами слушал материнские вещие речи юный шах. Между тем, царица, пошарив в хрустящих складках зеленоватой, как морская вода, одежды, вынула и зажала в сухой ладони перстень, издали походивший на черного, с золотыми подкрыльями, жука.

– Сними свои кольца, Ибрагим, – сказала она, вставая.

Шах быстро сбросил алмазные и рубиновые жуковины; они покатались на ковер, звеня.

– Дай мне левую руку твою, Ибрагим, – продолжала царица.

И, взяв мягко нежные пальцы сына в свою высохшую ладонь, старуха надела ему на безымянный большой черный перстень.

На четырехугольном странного вида, черно-золотом каком-то камне вырезана была белая птица. Приглядевшись ближе, Ибрагим увидел, что изображен был на перстне ворон³. Непонятным казалось

---

³ Образ ворона немало значил в художественном мире Садовского. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует его стихотворение 1929 года «Ворон» (в нем, кстати, символично для нашего повествования, упоминается царь Иван Грозный):

ему одно, почему вырезанная на черном камне птица была бела, как снег.

– Возьми и храни талисман свой, – сказала старуха, воздевая молитвенно над сыновней головой прозрачные восковые руки. – Иди, Ибрагим, и да будет над тобой святая воля Аллаха.

Смутные предчувствия, овладевшие было душой молодого шаха, бесследно исчезли, лишь только он переступил порог материнских покоев. Веселый и вольный, шел быстро Ибрагим по светлым залам дворца, мимо плескавшихся и распевавших неумолчно фонтанов, мимо голубоватых мраморных водоемов, где ходили, сверкая, золотые, багряно-перые рыбки; алые и зеленые попугаи еще громче кричали ему вослед, шумя широкими крыльями и перевертываясь на кольцах, а в окна светило дневное полное солнце, жаркое, как огонь.

Два раба с павлиньими опахалами ждали шаха на крыльце, чтобы сопроводить его на утреннюю прогулку. Едва Ибрагим показался в дверях, к нему подошел его сокольник, держа на руках пестрого сокола в шапочке, колокольчиках и опутенках.

Ты был моей любимой птицей,
И в годы детства тяжело
Над исторической страницей
Твое провевало крыло.

Заря весной всходила рано.
И ворон каркал мне с утра
Про времена царя Ивана,
Про императора Петра.

В полях, где василек и колос
Смиренно молятся ветрам,
Провозглашал суровый голос
Прологи небывалых драм.

Но в пору грозного ненастья
Под вихрем бед, назло судьбе,
Ты радостно твердил о счастье
И призывал меня к борьбе [Садовской 2010, 356].

– Пресветлый шах, – молвил, склоняясь, сокольник, – крымский хан Девлет-Гирей прислал тебе своего сокола в подарок. Прими дар хана.

Шах вспомнил пророческие слова матери и взоры его блеснули. В самое это время пышная толпа сановников и придворных показалась перед дворцом.

– Фузул-ага, – сказал шах, обратясь к великому визирю, – завтра я еду в Крым.

Фузул-ага, как согнулся для низкого поклона, так и остался стоять, не разгибаясь; на лицах остальных царедворцев выразился испуг.

– Правителем Ширванского царства останется до моего возвращения брат мой, Гарун. Из вас никто не поедет со мною; я еду с крымским посольством. Где посол хана Девлет-Гирея?

Из толпы вельмож выделился неторопливо коренастый татарин с длинными щетинистыми усами на загорелом медном лице. Бритую до синевы голову его прикрывала шитая шапочка; колчан и лук висели у левого бедра.

– Я сам хочу благодарить повелителя твоего за его подарки, – сказал шах. – А теперь поведай мне, посол крымский, что делает хан Девлет-Гирей?

Татарин гордо выпрямился и поднял смуглую руку.

– Мой господин, великий и храбрый хан Крымский, пресветлый Девлет-Гирей, победив со славой московского царя и короля Польши, отдыхает ныне от бранных трудов в столице своей Бахчисарае.

Ширванские сановники, понемногу оправясь от изумленья, во все глаза глядели на крымского посла, дивуясь вольному и свободному его обращению с ширванским шахом. Но Ибрагим, наскучившему давно уже рабской лестью и низкопоклонством изнеженных вельмож своих, полюбилося суровое достоинство боевого крымца. Он положил благовольтельно белую руку на плечо татарину.

– С кем же проводит досуги свои твой господин?

– Сейчас у хана Девлет-Гирея гостит брат его, юный царевич казанский Юсуф с сестрою, прекрасной Сумбекой⁴.

---

⁴ Судьбы Девлет-Гирея, Сумбеки (Сююм-Бике), Юсуфа и Ибрагима – показательный пример художественной стилизации истории у Садовского. В реальности Девлет-Гирей и Сююм-Бике не были братом и

Глаза шаха, расширяясь, сверкнули.

– А красива ли царевна Сумбека? – спросил он, помолчав.

Татарин воздел обе руки к небу и затряс головой, так что вышитая жемчугом и серебром его синяя тюбетейка свалилась с бритой макушки на раскаленный пол.

– Красива ли царевна Сумбека! – воскликнул он и сложил молитвенно на груди обе руки. – Когда вечером она выходит на прогулку в ханский сад, месяц выплывает ей навстречу, чтобы полюбоваться лишний раз красотой царевны и стелет ей под ноги свои ласковые голубые лучи. Когда море волнуется и начинает роптать, царевна садится в простой рыбацкий челнок, и буря тотчас утихает, а море, укротясь, целует покорно узкие подошвы прекрасной Сумбеки. Злой ветер не смеет веять там, где прошла казанская царевна. Чарам ее и обаянию красоты повинуются море, земля, воздух и огонь.

– Как зовут тебя?

– Али.

– Готовься завтра выступить в путь, Али: я еду с тобою.

сестрой. У Садовского Сююм-Бике – девушка, она очень молода и никогда не состояла в брачных отношениях. В действительности же на момент действия повести она уже дважды была замужем и дважды вдовствовала. И вовсе не правила уже Казанью в качестве регентши при своем сыне Утямыш-Гирее, провозглашенном в 1549 году, в двухлетнем возрасте, наследником престола. За год до того, как Казань была взята (а произошло это в 1552-ом), Сююм-Бике с сыном казанскими мурзами были выданы Ивану Грозному. Местом жительства Сююм-Бике определили город Касимов, там она насильно стала женой бывшего хана Казани ставленника Грозного Шах-Али, жестокого и коварного человека, сделавшего ее жизнь несчастной. Сына у нее отобрали, крестили в Чудовом монастыре, воспитывали при дворе русского царя. В повести Садовского Утямыш-Гирей как бы перевоплощается в «юного царевича казанского Юсуфа», история избрания которого на царство, естественно, чистый вымысел. В истории Ширвана были шахи Ибрагим-I и Ибрагим II, но они правили задолго до времени действия «Черного перстня». Да и, собственно, Ширвана как независимого царства уже не было...

– Царь царей! – воскликнул внезапно евнух, падая на колени, как тяжелый мешок. – Верные жены твои умрут, не видя так долго пресветлого твоего лица!

Но шах, ничего не ответив, повернулся круто и пошел на обычную прогулку, оставив почтенных сановников ширванского государства в глубоком и непритворном изумлении.

В эту ночь нежней, чем всегда, благоухали томные розы и слаще пели, заливаясь трелями, соловьи. В роскошном гареме шаха Ибрагима долго в эту ночь томились и млели красавицы-жены, ожидая тщетно прихода властелина. В нежной от мерцанья разноцветных фонарей, будто дымящейся полутьме белели закинутые в изнеможении млечные руки, спины и плечи; головки черные и русые смотрели во тьму жадно и пугливо, приподнимаясь порой с подушек. Евнух храпел громко на полу, заглушая высвисты соловьев; у запертых крепко дверей ему вторила черная стража. По временам слышались еще какие-то странные звуки в темноте: то рыдала турчанка Айша, юнейшая и прекраснейшая из Ибрагимовых жен.

Глава четвертая Искушение судьбы

Благополучно миновав владения оттоманов, шах Ибрагим в Синопе сел на турецкое парусное судно, дабы отплыть на нем к крымским берегам. Перед тем, как взойти по сходням на корабль, шах на пристани увидел вертевшегося на одной ноге молодого дервиша: весь в лохмотьях, он страшно сверкал белками на бронзовом лице и, размахивая, как ветряная мельница крыльями, парусами изодранных рукавов, кричал во все горло:

– Дай, дай, дай!

– Чего ты хочешь, несчастный? – спросил его милостиво шах.

Безумный дервиш заметался пуще и вдруг резко закаркал повороньи, указывая рукавом на левую руку шаха.

Ибрагим вздрогнул и сжал крепко тонкие пальцы левой своей руки с повернутым внутрь ладони таинственным материнским перстнем. Дервиш, продолжая все так же кривляться и громко вопить, хотел было броситься следом за путником на корабль, но тут судно внезапно накренилось, качнулось, надуло широкие паруса и тронулось, бороздя лазурь величавых волн.

Погода благоприятствовала странникам, и несколько быстрых и теплых дней протекло незаметно. Стоя на палубе, шах Ибрагим загляделся на стройные переливы сине-зеленых громад, и не заметил, как подошел к нему Али, одетый по-дорожному, в полосатом архалуке и синих шальварах.

– О чем задумался, господин? – спросил татарин, разглаживая жилистою рукою обвислые подстриженные усы свои. – Корабль наш крепок, ветер дует попутный и близко Крым.

– Али, – молвил задумчиво шах, – скажи мне, может ли царевна Сумбека провидеть то, что ждет человека впереди?

– Царевна знает все, что совершается в мире, и когда она говорит, все сбывается по ее словам. Еще я не видел твоего лица, господин, а уж знал, не доезжая долин Ширвана, что ты вместе со мною поедешь оттуда в Крым. Так говорила Сумбека. Она же приказала хранить и оберегать тебя во все время пути. И я верю твердо, что, хотя бы туча бедствий обрушилась на нас, мы вернемся домой и нога твоя ступит невредимо на землю моих отцов.

Не успел еще Али договорить уверенно-гордые слова, как слышался сильный треск, корабль завертелся, как бешеный и вдруг быстро понесся к черневшей вдали крутой скале. Ветра не было, и кормчий правил прилежно рулем: непонятым казалось, какая неведомая сила мчала на черную скалу послушное судно. Испуганные матросы и путешественники все столпились на палубе, призывая Аллаха и молясь пророку. Все сильнее слышался зловеший треск, корабль дрожал. Шах схватил спутника своего за руку. Али улыбнулся.

– Корабль наш летит на магнитную гору, – промолвил он. – Дно его и бока обшиты кругом железом; железо притягивает магнит. Не бойся, господин.

Ибрагим видел, как гвозди, один за другим, легко выскакивают из крутых бортов; железная обшивка скрипела и подавалась; наконец, дно раскочилось, доски рассыпались и корабль за несколько сажен до скалы пошел ко дну. Зеленая, мутно-пенистая волна, захлестнув, с головою покрыла шаха; он потерял сознание.

Очнувшись, Ибрагим увидал себя на мягкой густой траве; солнце смотрело ему в глаза и волны нежно плескались. Кроме Али, никого не было вокруг: все пловцы погибли.

– Где мы, Али? – спрашивал шах тревожно.

– Слава Аллаху, – отвечал Али, – нас выбросил морской прилив на пустынный остров.

– Значит, мы погибнем теперь! Нас ждет медленная смерть от голода и жажды!

– Успокойся, господин: веления судьбы всегда непреложны.

Говоря так, Али зорким орлиным взглядом обозревал окрестность. Обломки кораблей, выброшенные волнами, громоздились вдоль отлогого берега причудливо-пестрой грудой; виднелись бочки и тюки с товарами, доски, снасти, скелеты людей и лошадей. Внезапно волны примчали свежий труп, должно быть, одного из бывших на корабле матросов. Не успел еще мертвец коснуться бритой головою своей прибрежного ила, как огромный косматый гриф, паривший медленно над волнами, схватил его своими огромными лапами и унес⁵.

---

⁵ Проиллюстрируем эту историю с грифом следующим фрагментом из книги А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»: «Славянские и немецкие племена знают баснословную птицу, с помощью которой сказочные герои совершают свои воздушные полёты. В народных памятниках она является под различными названиями. В сказке “Норка-зверь” царевич возвращается из подземного царства (т. е. из-за облачного неба, см. ниже) на крыльях птицы, которая столь огромна, что подобно тучам, заволакивающим небо, затемняла собою солнечный свет. В другой сказке добрый молодец отправляется в далекое тридесятое государство искать свою невесту; подходит к синему морю — через море переправы нет. Рыбаки зашивают его в брюхо нарочно зарезанной лошади и бросают на берегу; вдруг подымается буря, и подымается она от взмаха крыльев птицы-львицы или гриф-птицы, которая величиной будет с гору, а летит быстрее пули из ружья. Греки представляли грифа с головой и крыльями орлиными, с туловищем, ногами и когтями льва, такое представление попало и в русскую сказку. Грифы стерегли небесное золото. В греческой мифологии вихри олицетворялись ещё — голодными, жадными гарпиями: это были окрыленные девы с перьями коршуна на теле и с железными когтями той же птицы на руках и ногах; собственные имена их: Aello (буря, вихрь), Okupete (скоролетающая), Kelaino (мрачная); слово гарпия Маннгардт переводит “die Raflerin”. Гриф-птица хватает мертвечину и вместе с нею переносит молодца через широкое море. Подобным же образом совершает путешествие на высокую золотую гору молодой приказчик, зашитый в лошадиное брюхо семисотым купцом; его уносят туда чёрные

176

Али пристально следил за движениями хищника и глаза его за-
сверкали.

– Аллах посылает нам спасенье, господин, – молвил он радостно,
– птица эта прилетала сюда недаром.

– Что ты хочешь делать, Али? – спросил Ибрагим.

– Сейчас, господин, увидишь: делай только, как я тебе скажу.

Распоров валявшийся подле тюк с бычачьими кожами, татарин
развернул его, выбрал две крепких шкуры и, в одну из них завязав
тщательно Ибрагима, обертелся другою кожей. Едва успел он
окончить свою работу, как над морем показались несколько грифов.
Шум от их распростертых крыл подоился отдаленной буре. Вытя-
нув голую морщинистую шею, одетую ожерельем дымчатых жест-
ких перьев, один из хищников цепкими когтями охватил шаха и
взвился с ним на воздух. Повернув голову, Ибрагим мог видеть ле-
тевшего следом за ним татарина. Огромные птицы плавно несли
обоих путников над морской пучиной. Как опрокинутое небо, тре-
петала под ними морская зыбь; изогнутые причудливо рыбы плясали и
скользили на своих коралловых плавниках, хватая жадным ртом по-
падавшую добычу; жемчужные рыбы-птицы, возносясь над ров-
ною бирюзовой гладью, летели, блестя лазурною чешуей и падали
снова в воду. Порой дельфин, пуская фонтан изо рта, выплывал и
нежился в зеленых загривках шипучей пены.

Грифы опустили Ибрагима и спутника его на пустынную, го-
лую скалу под палящим солнцем. Цикады звенели кругом тысячего-
лосым хором. Море вздыхало и набегало вдали туманной грядой, а
над ним воздымались горы, осененные зарослями орешника и дико-
го плюща.

– Клянусь пророком, мы в Крыму! – вскричал Али, взмахами
сабли отгоняя злобно шипевших грифов. – Я узнаю это место! Сюда
приезжает охотиться хан Девлет-Гирей с царевичем Юсуфом и ца-
ревной Сумбекой. Но что это? Я слышу звук серебряного ханского
рога! Они здесь!

вороны — носы железные, напоминающие собой тех прожорливых птиц
с железными перьями, заостренными как стрелы, которые обитали в
стимфальском болоте и которых разогнал Геркулес Вулкановой тре-
щоткою, т. е. громом. Предание это встречается и в арабских сказках и в
средневековой литературе» [Афанасьев 1995]. Садовской, конечно же,
знал книгу Афанасьева, как и арабские сказки.

Точно: охотничий рожок неподалеку тонко взывает, переливаясь в горах затихавшими завитками звуков; слышался собачий лай и конское ржанье. Из-за узкого поворота горной тропинки показался на-рысях отряд всадников в живописных одеждах. Впереди скакал хан Крымский, Девлет-Гирей, мужчина низкого роста, широкоплечий, с ястребиными глазами и вздернутым носом. Скуластое лицо хана дышало добродушием и умом. Под ним бился и храпел арабский, снежной масти, горячий конь, и ластились к стремяни, высоко прыгая, две узкомордые собаки. Подле хана затягивал поводья отрок в алом бешмете и виднелась стройная всадница, окутанная серебристою чадрой.

Али бросился навстречу всадникам и радостно припал всем лицом к руке хана Девлет-Гирея. После двух или трех отрывистых вопросов, Девлет-Гирей поспешно спрыгнул с седла и приблизился к молодому шаху.

– Добро пожаловать, дорогой гость, – вымолвил он, приветливо осклабясь. – Мы, дети солнца и моря, рады встретить у себя повелителя соловьев и роз.

Ханские спутники сошли с коней и окружили Ибрагима, предлагая ему свои услуги. Запыленную и изодранную когтями грифа одежду шаха сменил легкий, почти прозрачный халат из чудесной волнистой ткани. Тем временем, слуги разложили огонь под тенистым старым платаном; жалобно заблеял зарезанный барашек, и толстый бурдюк с вином расставил, как живой, на земле свои четыре ноги.

Царевна Сумбека молчала, стоя поодаль, и не подымала чадру, хотя обычай страны позволял ей говорить с чужеземным государем, не закрывая лица. Но всем существом своим слышал шах Ибрагим близость казанской царевны, и новое странное чувство в нем вскипало. Из-под белой сквозной чадры два черных огромных глаза упругим взором будто пронизывали ему сердце. Брат Сумбеки, царевич Юсуф, юноша бойкий и говорливый, осыпал между тем Ибрагима множеством вопросов. Юный царевич непременно хотел узнать, похожа ли Шемаха на Казань, и которая столица больше; столько ли мечетей в Казани, сколько и в Шемахе и есть ли в Ширване такое же море, как и здесь. Ибрагим не успевал отвечать на его вопросы. Между тем, пилав поспел, и хан предложил гостю место подле себя. Все стали завтракать в тени развесистого платана, слушая неумолчный скрежет цикад и хор валов.

Глава пятая

Царевна Сумбека

Каждое лето хан Крымский Девлет-Гирей уезжал надолго из столицы своей, Бахчисарая, чтоб на свободе охотиться в приморских скалах на лебедей и коз. Ханская ставка располагалась обыкновенно над самым морем, в уступах желтых гор; слева уходил вдаль, медвежьей головой своей утыкаясь в море, Аю-Даг, справа возвышалось Ласточкино гнездо. Здесь, на приволье, в обрывах и расселинах диких жестких скал, где цеплялась за камни зелеными усиками крупная крымская ежевика и плющ, обмирая в объятиях благоухавших жадно магнолий, забрасывал в изнеможении кудрявые извивы своих сетей на ветви платанов, буков и дубов, будто порываясь прыгнуть в море, – расписной ханский шатер, украшенный золотым полумесяцем, издалика маячил греческим рыбакам и запорожским казакам, заплывавшим порою в запретные крымские струи на своих остроносых «чайках».

Сумбекин шатер, занавешенный плотно гладкою серебряною парчой, белел в отдалении от ханской ставки; его день и ночь охраняла стража отборных татарских воинов, пришедших с Волги вместе со своей царевной. Все витязи были, как на подбор, исполинского роста, широкоплечие, полногрудые; на всех желтели татарские широкополые шляпы из мягкого войлока цвета верблюжьей шерсти, выгнутые, как седло; у всех за поясами торчали острые витые кинжалы, а у седел их горбоносых, поджарых, готовых постоянно к набегу коней, в складаках свешивались лук и стрелы. Еще поодаль, в зеленом шатре жил царевич Юсуф с наставником, мурзою Багримом, седебородым почтенным старцем, у которого свитки Корана и прочих священных книг выглядывали не только из-за пазухи и изо всех карманов, но даже из жестких голенищ его сафьянных с серебряными подковами сапогов. Мурзе Багриму приходилось то и дело сдерживать резкие порывы царственного своего питомца: царевич то порывался вдруг вскочить на коня начальника отряда, то, хватая у первого попавшегося всадника лук и стрелы, целился в кружившего в облаках орла, с опасностью угодить стрелой прямо в ханскую ставку, то утомлял нескончаемыми вопросами шаха Ибрагима и сестру. И хотя Сумбека на дне несколько раз выходила из своего шатра, удостаивая Ибрагима беседой и звучно смеясь порою его речам и шуткам, лица ее так и не видел шах под длинной чадрою.

Однажды, выехав на верховую прогулку, царевна Сумбека предложила Ибрагиму сопровождать ее. Долго оба скакали вдвоем по извилистым тропинкам и одни взбирались на неприступные горные крутизны без провожатых и свиты. Сумбека ехала впереди, и перед влюбленными взорами молодого шаха развевался, волнуясь, прозрачно-вьющийся кисейный ее покров; от него струилось необъяснимое, томительное благоухание, кружившее Ибрагиму голову, и когда порою чадра царевны Сумбеки касалась на лету Ибрагимова лица, он терял рассудок и волю, готовый на мгновение все забыть и схватить царственную красавицу в жадные объятия. Внезапно лошадь Сумбеки взвилась и понесла. Проскакав несколько сажен впереди, царевна не удержалась на седле и, скользнув, упала при дороге. Лошадь тотчас остановилась. Ибрагим в волнении поспешил на помощь Сумбеке. Она лежала не двигаясь, не шевелясь, раскинув тонкие руки с прозрачными миндалинами ногтей, окрашенных розовой краской; слабое дыханье чуть волновало наброшенную на лицо ее кисею. Ибрагим откинул осторожно душистую ткань и замер в немом восторге. Красота Сумбеки превосходила его мечты. Все, что есть прекрасного на земле, казалось, соединившись, воплотилось в нежном, как ландыш весенний, лице казанской царевны с алыми, нежнее розовых лепестков, губами и стреловидными ресницами, будто вонзавшимися в лилейный румянец щек. Два ряда ровных зубов драгоценным жемчугом ослепительно сверкали из-под полуоткрытых уст. Отцепив от пояса дорожный свой амагиль, хрустальный сосуд для воды, с чеканной серебряною крышкой, шах осторожно помочил Сумбеке виски и лоб и влил несколько капель воды в неподвижные уста красавицы. Царевна вздохнула и, открыв глаза, остановила их с нежностью на лице склоненного над ней Ибрагима. Улыбка озарила сразу ее черты: так солнце, выйдя на миг из облаков, делает их еще сказочней и еще прекрасней.

– Сумбека! – с упреком воскликнул шах. – Ты видишь, я люблю тебя, я весь твой, только твой, до гроба!

Сумбека встала; длинная полоса серебристой чадры упала опять ей на лицо.

– Нет, Ибрагим, – зазвучал ее нежный, как флейта, голос, – тебе никогда не быть моим.

– Но кто же может, кто смеет разлучить нас? – с горячностью возразил молодой шах. – Вот сейчас мы с тобою вместе; что нам мешает назвать друг друга женихом и невестой?

– Ибрагим, – сказала тихо царевна, и в голосе ее зазвучала медная сила. – Ибрагим, мне известно многое, что сокрыто от человеческих глаз. На любви твоей лежит вещее заклятье, и в этой любви кроется твоя гибель.

Шах опустил глаза и задумался, вспомнив вещие слова, которыми проводила его мать. Ясно, что судьба ведет его к неведомой цели через препятствия и преграды, но для того ли избежал он столько опасностей, чтобы умереть на пороге счастья?

– Нет, клянусь пророком, никогда не поверю я, чтобы судьба была так неблагоприятна, так бессмысленно жестока! Я люблю тебя и хочу быть счастливым с тобою. Сила любви моей победит судьбу.

Сумбека покачала головой.

– Нет и не будет той силы, которая изменила бы решения, записанные в предвечной книге. Сам Аллах не может переменить их.

Дрожь пробежала по телу шаха.

– Едем, Ибрагим, пора, – продолжала Сумбека, – вон уже стража моя ищет нас.

По дороге клубилась пыль от множества мчащихся всадников. Впереди летел бородатый начальник стражи.

– Царевна! – воскликнул он, осадив захрапевшего коня перед Сумбекой и, сняв зеленую шляпу, обнажил бритый, в вышитой тюбетейке, череп. – Державный брат твой, царевич Юсуф, беспокоится о тебе и хочет тебя увидеть.

И острым взором бородач сверкнул на унылого Ибрагима.

– Благодарю тебя, Алай-Казы, – возразила царевна. – Отправляйся же с воинами вперед и возвести царевичу, что я возвращаюсь.

Алай-Казы еще раз пытливо взглянул в глаза молодому шаху и скрылся в облаке пыли.

Молча Ибрагим следовал за царевной. Кони их резво бежали по каменистой тропинке; было тихо, порою лишь копыто ударяло, звякнув, о подвернувшийся камень.

Глава шестая Царевич Юсуф

В самый день возвращения в Бахчисарай, столицу Крымского ханства, Девлет-Гирей обедал с гостями своими во дворце. После обильного пиршества вельможи татарские с низкими поклонами удалились восвояси, и хан, в сопровождении сестры и брата, обок с

Ибрагимом, прошел на широкую открытую террасу, выходящую прямо в дворцовый сад. Месяц встал над Бахчисараем и осыпал прозрачными, будто пушистыми лучами его сказочные дворцы; летучие мыши с писком зачертили синий, истомный воздух, и цикады засвистели резко в заголубевших кустах. Хан возлежал на пышных подушках; янтарный кальян, благоухая, дымился в его устах; выпуская дым через подстриженные щетинистые усы, Девлет-Гирей благодушно любовался сестрой и молодым шахом. Брак между ними ему казался делом простым и легким, и в мыслях хан уже видел себя самого гостем далекого Ширвана, где царицей будет сестра его, прекрасная, божественная Сумбека.

Царевич Юсуф лакомился между тем яхонтовыми кистями спелого винограда, а многоученный наставник его, мурза Багрим, прилежно жевал беззубыми деснами ароматный пряник.

– Мурза, отчего это море светится только при луне? – спрашивал царевич.

– Чтобы луне видны были скалы и корабли, – отвечал, утершись полою халата, мурза Багрим.

– А зачем луне их видеть?

– Чтобы мореходы впотьмах не столкнулись друг с другом или не набежали на скалу. Так премудро луна, глаз Аллаха, печется о спасении правоверных.

– Но если мореходы не правоверные, а гяуры?

– Тогда море перестает светить и приказывает луне спрятаться в тучи.

Царевна Сумбека вышла на середину террасы с лютней в руках. Струны зазвенели. Под сыплющимся, как водяной синий столб, месячным сияньем, царевна в серебристом покрывале своем казалась Ибрагиму виденьем, райской гурией, слетевшей из заоблачных высот. В струнных звуках трепетали жалоба и тихая скорбь. То замирали, то с силою вдруг рокотали струны под тонкими пальцами Сумбеки, и чудилось шаху – строго и печально выжидает испытаний судьбы лицо ее, недвижимое под прозрачной чадрой.

– Грустна песня твоя, Сумбека, – молвил хан.

Струны перебили сами себя, и новые звуки полились в голубую небесную тишину. Теперь они то страстно вскрикивали, то угрожающе роптали, то отзывались предсмертным стоном. Внезапно оборвав песню, царевна закончила ее отрывистым резким звуком, похожим на голос недоброй птицы.

Царевич Юсуф приподнялся на подушках и обнял сестру.

– Ах, сейчас ты напомнила мне тот день, когда я был избран царем Казани. Каждый раз, как я слышу эту песню, передо мной проходит опять все как было.

– Слышал ли ты, Ибрагим, об избрании Юсуфа? – спросил Девлет-Гирей.

– Нет, – отвечал шах. Он еще не очнулся вполне от звеневшей в уме его Сумбекиной песни.

– Так слушай же. Расскажи нам об этом, Багрим, – приказал хан.

Багрим-мурза низко склонился перед ханом и, сложив руки на пухлом животе, начал рассказ:

– Было это три года назад, когда господину моему, благорожденному царевичу Юсуфу, минуло десять лет. В царстве Казанском, волею всемогущего Аллаха, пресекая властительный род, и предстояло сановникам и народу избрать себе царя. По древнему, исконному закону, когда в Казани умирал царь бездетным, не оставив наследника своему престолу, жребий царский выпадал тому избраннику, на чье плечо садилась вещая птица. И доныне, в мечети с золотыми куполами, близ великой Волги, живет священная птица эта, уже много веков охраняемая благочестивыми ходжами в белых, как снег, чалмах. Задолго до дня торжественного избрания татарские гонцы полетели по всем правоверным государям, дабы каждый прислал сына или сродника своего в Казань. Много царственных юношей и отроков прибыло к нам и посуху, и водными путями. Я старый житель Казани и при трех царях заведовал Книгохранилищем дворцовым, но никогда за всю долгую свою жизнь не видел я такого скопления людей на улицах Казанской столицы. Казалось, речка Казанка вышла из берегов, или сама Волга двинулась затопить у священного города его древние стены. Тут были пришельцы из всех стран, исповедующих Магометову веру: и арабы из счастливого Йемена, в белых бурнусах, те, что питаются свежими финиками и ключевой водой, и потомки храброго дербентского шаха Халильпадишаха, доблестно прославившего страну свою расцветом науки и искусств, и благородные отпрыски семейства Сефидов, владык персидских, и сыновья Сулеймана-завоевателя из Цареграда, и неслыханное множество других царевичей, князей и принцев. Все ждали, кого из них изберет священная птица царем Казанским. Настал великий день, и на площади перед мечетью встали ряды ожидавших со

склоненными головами. И открылась в мечети золотая дверца, и птица, вылетев, закружилась над толпой. Все ожидали, притихнув, кому сядет на плечо посланец Пророка. Сзади всех стоял господин мой, царевич Юсуф, присланный на состязание по воле пресветлого хана Девлет-Гирея. И вдруг – я видел это своими глазами, и Аллах свидетель, что я говорю чистую правду, – птица, будто помедлив в раздумьи, села с размаху на левое плечо царевичу. Тогда вскричали все бывшие тут и криком вспугнули птицу. Но тотчас же снова села она царевичу на правое плечо.

Мурза Багрим умолк, жуя губами и с умилением глядя на Юсуфа.

– С тех пор царевич считается владыкой Казани, но, до совершенного возраста его, правит страной Сумбека, – промолвил Девлет-Гирей.

Внезапно во дворце раздался шум, лязг оружия; шаги зазвучали по мрамору плит. Начальник стражи Алай-Казы показался на пороге.

– Что там? – спросил хмуро хан.

– Светлейший повелитель! – провозгласил Алай-Казы, касаясь шляпою пола. – По твоему приказанию князь Али прибыл с Перекопа.

– Впустить князя, – сказал Девлет-Гирей.

Мерные, тяжелые шаги раздались вдали; они походили на удары железного молота по деревянному полу. На террасу вступил военачальник крымский, посол и спутник Ибрагима, князь Али. Он был весь закован в железо. Кольчуга тончайших стальных колец закрывала ему руки до самого запястья; подол на ней, нарукавники и ворот скованы были из чистого серебра; две медные бляхи на груди изображали две орлиные головы, рогатый шлем оперен был пушистым крылом совы. Узкоглазое с низким лбом лицо Али дышало мужеством и свирепой силой. Кривая сабля в красных ножнах волочлась за ним по полу; в одной руке он держал копьё с ханским значком, в другой – тяжелый шестопер с золотой насечкой. С трудом преклонив перед ханом железное колено, Али сказал голосом торжественным и протяжным:

– Все готово, великий Хан. Войско ждет последнего слова твоего, чтобы кинуться в набег на ляшскую землю. Сам я только что из Перекопской степи; до самого Днепра все спокойно и везде ждут тебя передовые отряды. Близ Черного моря запасены челноки в

надежном и крепком месте, и теперь можно легко переплыть Днепр. Когда будет угодно тебе двинуться в поход?

Девлет-Гирей встал с подушек, разглаживая усы. Лицо его пылало.

– Завтра же двинемся в поход. Кто из вас едет с нами?

– Я, я, – откликнулись Сумбека и Юсуф.

– А ты, шах? – полунасмешливо обратился к Ибрагиму Девлет-Гирей.

– Конечно, и я с вами! – выходя из задумчивости, воскликнул ширванский владыка. – Но только скажи мне одно, Юсуф. Кто эта птица, что избрала тебя в цари?

– Белый ворон! – сказала гордо Сумбека.

Шах взглянул на свой перстень и не узнал его: изображение белого ворона будто налилось кровью, и страшный образ этот на черном камне наполнил сердце влюбленного юноши тревогою и тоской.

Глава седьмая В замке пана Адама

Для набега на Польское королевство крымским татарам трудно было бы найти более удобное время. Вся дворянская знать Литвы и Польши занята была на ту пору выборами в сейм: предстояло возвести нового короля на опустелый трон Ягеллонов. Мелкое поместное шляхетство в предвыборной деятельности не уступало магнатам. Все побросали замки и уголья свои и устремились толпами в города, дабы лично озаботиться избранием депутатов и подготовкою голосов.

Передовые татарские наездники, не встречая нигде сопротивления, проникли свободно в глубь страны. При первом их появлении жители в страхе бросились за Буг и Березину. Сёла запылали, как огромные костры, возвещая народу об общем бедствии. Унылый лязг колоколов заныл по всей Польше с седых костелов и острых башен.

– Что ты не спишь, мама? Отчего заплаканы глаза твои и губы дрожат?

– Спи, дитя мое: татары близко.

– Мама, зачем отец точит саблю, отчего так нахмурены его брови?

– Спи, дитя мое: отец защитит нас от татар.

В полях носились одичалые табуны коней, вытаптывая посевы; с визгом гонялись за ними татарские всадники и закидывали арканы. Над Польшей будто пронеслось облако прожорливой саранчи.

Тем, кто проезжал Польское королевство с юга, правее города Дубна, в заповедном глухом лесу можно было отыскать старинный замок Олиту⁶. Принадлежал он пану Адаму Олесскому, серадзскому⁷ воеводе. Пан Адам был мужчина лет под пятьдесят, с выпученными, как у рака, черными глазами и усами, свисавшими на плечи, всегда насупленный и всем недовольный. Редко кому удавалось услышать его голос; только иногда, после лишнего двух-трех стаканов старки, пан-воевода как-то мрачно развеселялся, начинал громко смеяться, пристукивать каблуками и даже шутить со своей супругой. Пани Марианна, высокая, статная дама лет двадцати пяти, на молчанье и на шутки мужа одинаково ответствовала все тою же неизменною улыбкой, и трудно было распознать, что в той улыбке таилось: жалость, любовь или презренье.

Пан Адам Олесский участвовал также в выборах в сейм; в тиши своего прадедовского замка придумывал он теперь хитрый способ к подкупу нужных ему людей.

Год назад пан Адам ездил путешествовать и побывал в Англии. Из Лондона он выехал не один: с ним вместе прибыл и поселился в замке высокий рыжебородый англичанин, человек непоколебимого спокойствия и, видимо, безучастный ко всему на свете. Одевался он в темное бархатное платье с огромным сборчатým воротником, накрахмаленным туго, по последней английской моде; на груди его сверкал, спускаясь на золотой цепи, знак ученого достоинства; из-под фиолетовой мантии выглядывал рыцарский меч, а на буйволовых, с отворотами, сапогах, звякали звездистые золотые шпоры. Левой рукой англичанин вечно или держался за свою огненно-рыжую клином бороду, или разглаживал винтообразные длинные усы. С хозяином он беседовал подолгу в совершенном уединении, о чем, неизвестно, ибо двери в покои пана Адама всегда бывали при этом накрепко заперты; при встречах же с пани Марианной англичанин потуплял скромно голубые, недвижные глаза и торопился пройти, учтиво бряцая шпорами и подбирая складки мантии, похожей на

---

⁶ Олита (лит. Alytus) — в настоящее время город на юге Литвы, в Дзукии.

⁷ От названия польского города Серадз (польск. Sieradz).

шлейф. Имя его было Джон Ди⁸; это был не простой англичанин, а один из умнейших и ученейших людей своего века. Доктор магии, алхимик, астролог, врач, хирург, математик, механик, ориенталист, богослов и изобретатель жизненного эликсира, Джон Ди учился в Кембриджском и Парижском университетах, где кончил курс с отличием первой степени. Говорил он на всех языках, и в тридцать

---

⁸ Стилизованный образ Джона Ди создан наложением двух реальных исторических персон. Первая из них – собственно, Джон Ди (1527–1609) – английский математик, географ, астроном, оккультист, алхимик, астролог валлийского происхождения. Шпион королевы Елизаветы I, под шифром «007». Идеолог британского владычества в мире. В России никогда не был, хотя и получал приглашение от царя Федора Иоанновича поступить к нему на службу. В контексте истории с перстнем в повести Садовского интересен следующий фрагмент из статьи доктора политических наук О.Н. Барабанова: «Из разговоров с ангелами Ди получил подтверждение собственного высшего предназначения для познания тайн мира. Так, 11 марта 1582 г. архангел Уриэль сказал ему: "Иди вперед: Бог благословил тебя ... Весь мир начинается с твоих деяний ... Ангелы в моей власти будут в твоём распоряжении". Через несколько дней (14 марта 1582 г.) архангел Михаил показал Ди магическое Кольцо власти над миром (меч архангела внезапно стал огненным, и из этого пламени появилось Кольцо). Михаил заявил, что никто из людей вплоть до Ди не видел этого Кольца со времен древнееврейского царя Соломона, и что с магической помощью этого кольца Ди сможет получить всемирное могущество» [Барабанов 2011]. Другая персона в структуре образа Джона Ди в повести Садовского – Элизеус Бомелиус, в русских источниках Елисей Бомелий (ок. 1530–1579) – астролог, маг, шпион, изготовитель ядов, которым устранил негодных ему людей. Был привезен русским послом из Лондона в качестве лекаря царя Иоанна Васильевича, к которому вошел в большое доверие. За жуткие злодеяния, а также за пророчество о кончине Рюриковой династии, был подвергнут лютой казни: его вздернули на дыбе и живьем зажарили на вертеле. Бомелиуса считают причастным к отравлению ртутью Ивана Грозного.

Ассоциативно Джон Ди из «Черного перстня» откликнется в персонажах-русофобах в послереволюционном антибольшевистском творчестве нашего автора: в безымянном «черном человеке» в повести «Кровавая звезда» (1919) и Соломоне Исакере в романе «Шестой час» (1921).

пять лет от роду успел объездить все страны земного шара, те, по крайней мере, где ступала в его время человеческая нога. Последним его изобретением был *белый камень*, произносивший различные слова и звуки и показывавший картины по желанию зрителя. Не будь Джон Ди так учен и не пользуйся он покровительством венценосцев, его давно бы уже обвинили в колдовстве.

В Олите, окруженной непроходимым дремучим лесом, ничего не знали еще о татарском набеге. Пан Адам праздновал день рождения жены, и в замок съехалось много представителей польско-литовской знати с женами и детьми. Музыка гремела в саду и разноцветные площадки готовились вспыхнуть на деревьях.

В залах сверкали праздничным убранством обильные столы. Кубки, чары и мисы громоздились в великолепном беспорядке; со стен глядели портреты в тяжелых рамах; медвежьи шкуры и олени рога украшали простенки. Слуги в аксамитовых кунтушах с откидными широкими рукавами, суетились, принося все новые и новые блюда. Тут дымился на столе знаменитый литовский бигос – хультайский бигос – из лучших частей ароматной дичи с капустой и перцем, сбитый и перемешанный в кожаном мешке: по уставу старинной кухни, литовский всадник кладет мешок с бигосом под седло и ездит так целый день, пока не перемешается в крепкое лакомство пряное блюдо. В муравленых горшках, замазанных тестом, чтобы не выдыхался душистый пар, млели медвежьи лапы в мадере, разбавленной медом; дальше виднелись всевозможная дичь, колбасы, плоды и сахарные мазурки.

Гости отдали должную честь панским яствам. Уже немало кубков опрокинулось с утра за здоровье прекрасной пани Марианны, и шляхтичи, из тех, что поудалей, начинали уж хвататься за усы, притоптывать коваными каблуками и пристукивать о шпору шпорой. Уж раздавалось кое-где задорное польское «не позво́лям!»; рдели чубатые головы и уста грозилась. Выборные страсти, на время утишенные венгерским и старой водкой, понемногу распалились, и пан Адам, не без некоторой тревоги, взглядывал на окаменелого англичанина, но, успокоенный тайным движением его рыжих бровей, выжидательно хмурился и, что-то соображая, разглаживал огромные сивые усы.

Больше всех вертелся и громче всех кричал, увиваясь за пани Марианной, суетливый молодой хорунжий, пан Владислав Ходкевич. В шутку говорили про него, что ученый англичанин, доктор

Джон Ди, налил пану Ходкевичу в спину ртути, и оттого он, как живчик или вьюн, не может с тех пор усидеть на месте. Быстрота вертящихся движений и громких речей мало соответствовала внешности пана Владислава: худой и бледный как смерть, он мрачно сверкал серыми глазами, и ледяная улыбка, точно как против воли, обнажала ряд его белых, блестящих как слоновая кость, зубов. Всюду по зале мелькал, развевая длинными рукавами, его голубой кунтуш и слышались задорные речи: – «Когда шляхетство того хотело...» – «Воля сейма есть Божья воля...» – «Пане Потоцкий, дай мне гоноровое слово, что ты...» Такие недоговоренные восклицания горохом сыпал пан Владислав Ходкевич, ни на минуту не отводя холодных взоров от величавой хозяйки дома.

Теперь он выскочил вдруг на середину залы и обратился к собравшим с речью:

– Высокородные госпожи, ясновельможные паны! Ласковый хозяин просит вас всех пожаловать на забаву в сад.

Затем, подлетев к хозяйке, пан Ходкевич подал ей руку и, выгибая на обе стороны стройный свой стан, быстро и ловко помог сойти пани Марианне со ступеней высокого балкона. Общество все последовало за ними, и на несколько минут среди наступившего вдруг молчания слышалось лишь шуршание шелковых и атласных шлейфов, да звяканье шпор и сабель.

Никто не заметил, как оставшийся позади угрюмый хозяин перемигнулся с англичанином и, подойдя к нему, прошептал скучливо:

– Неужели и сегодня неудача?

– О, нет! – отвечал невозмутимо доктор, трогая точеным ногтем рыжий стоячий ус. – Если не сегодня, то никогда.

– Отведи же глаза им.

Джон Ди улыбнулся и повел плечом.

– Так хочет судьба, – прошептал он, будто про себя. И слова его утонули в грохоте труб и скрипок. С цветистого луга, гремя, заструился польский; пара за парой шествовали плавно по аллеям пышноцветной гирляндой.

Глава восьмая Заморский чародей

Под предводительством бойкого пана Владислава забавы сменялись забавами, и время от обеда до ужина прошло весело и приятно.

но. Пани Марианна, окруженная дамами, воссела на дубовые вырезные кресла, похожие на трон, и отсюда обозревала увеселения с благосклонной улыбкой. Игры открылись стрельбою в цель. Охотники до состязания, с луками в руках, выходили на лужайку и, став спиной к зрителям, пускали по очереди стрелы в высокую деревянную фигуру, изображавшую немецкого рыцаря-меченосца в полном вооружении. Хитро устроенная пружинка обозначала степень успеха при выстреле, заставляя долговязую фигуру то опускаться на одно колено, то взмахивать руками, то поникать головой, закованной в железный, с качающимися страусовыми перьями, шишак. Громкие рукоплескания награждали стрелков, но ни одному еще не удавалось заставить немецкого идола грохнуться лицом в землю.

– Пан Витольд! Где пан Витольд? – раздались нетерпеливые голоса А дамы улыбались и оглядывались, ища глазами.

– Ну вот, пан Витольд! Пан Витольд от старости давно не брал лука и разучился стрелять, – заметил, кобенясь, пан Владислав Ходкевич и оскалил блестящие, как у скелета, зубы.

– Тогда сам и пробуй, пан, – отозвался, хрипя и свистя от одышки, пан Витольд Ахрамович, шаровидный седой толстяк, конюший князя Литовского. Он выкатился на середину лужайки и цепко ухватил красными, как клешни вареного рака, руками белые пальцы пана Владислава. – Прóшу пана, стреляй, коли лучше меня уметишь.

При наступившем любопытном молчании пан Ходкевич натянул щегольской кленовый лук с жемчужинами на углах и, отставив левую, обутую в желтый чобот ногу, пустил стрелу. Свистнув, она описала полукруг и упала на берегу озера, вспугнув закричавшее стадо домашних лебедей.

Общий хохот наградила стрелка. Смеялась и пани Марианна, смеялся и пан Ходкевич, хотя бледное лицо его стало блее мела, а серые, провалившиеся глаза позеленели от злости.

– Где же мой лук? – продолжал, задыхаясь, пан Витольд. И тотчас старый слуга, выбежав, подал пану конюшему его лук, сделанный из цельного турьего черепа, весьма искусной работы. На оба рога намотана была шемаханского шелку тетива, стрелы же вкладывались в выдолбленный между рогами в черепе длинный желоб. Оружие вделано было в легкий, из черного дерева, станок, распиленный золотыми листьями, гроздьями и цветами.

Почти не целясь, пан Ахрамович тронул пружину; стрела, глухо охнув, ударилась в переносье железному рыцарю; рыцарь свалился, тяжело загремев доспехом.

Громовые рукоплескания приветствовали искусника.

– Досконале! – молвил громко хозяин, пан Адам, вышедши на террасу в сопровождении англичанина. – Дорогие гости, – продолжал он, исподлобья кидая приветливый взгляд на пестревшую перед ним толпу, – сейчас наш знаменитый пан доктор покажет нам новые и славные чудеса.

При этих словах все сразу стихло; слышалось только сдержанное пыхтение пана Витольда, вытиравшего шитым полотенцем вспотевший лоб. Двое воеводиных слуг вынесли на лужайку столик, и доктор Ди, как бы нехотя, двинулся через толпу гостей, держа в руках покрытый белым полотном четырехугольный ящик.

Сняв фиолетовую ученую мантию, доктор передал ее слуге и, оставшись в черном бархатном колете с кружевным зубчатым воротником, поправил задумчиво на груди золотую цепь со знаком змеи, кусающей свой хвост, разгладил остроконечную рыжую бороду и, опираясь обеими нежными ладонями на рукоятку меча, скромно, не глядя на слушателей, начал:

– Достопочтеннейшее собрание! С древних времен все человеческое племя страстно желает покорить одну неподвластную ему стихию – воздух. Ибо земля покорна человеку с первых дней и дозволяет ему ступать по себе ногами. Признала власть человеческую и вода, допустив ходить по себе быстрым кораблям; и огонь на потребу человеку: он греет его жилье и смягчает пищу. Один только воздух все еще остается непокорен. Когда праотец наш Адам и прама-терь Ева, волею всемогущего Творца, изгнаны были из пределов святого рая, они долго придумывали средство вернуться в обетованную землю, и в древних книгах написано, что благочестивые наши прародители пытались сделать себе крылья из тех самых звериных кож, которыми препоясаны были их тела. Затем некий искусный греческий мастер, именем Дедал, сделал себе и сыну своему Икару крылья из орлиных перьев и перелетел на них океан, причем юноша Икар по неопытности погиб, подлетев слишком близко к солнцу...

– Это ересь! – раздался вдруг чей-то густой и самодовольный голос; из толпы выдвинулся духовник хозяина, иезуит, отец Антоний Курсус, маленький монах с большим повисшим носом и жирными глазками, не без щегольства одетый в шуршащую шелковой

подкладкой сутану. – Это ересь, – продолжал он, обращаясь прямо к холодному англичанину и, по привычке своей, подпрыгивая слегка на одной ноге. – Невместно называть подле святых отцов закоснелых и грубых язычников, о коих нет ничего в священных книгах.

– После расскажешь, отец Антоний, – сурово перебил духовника воевода. – Дай пану доктору кончить.

– Я кончил, – отозвался Джон Ди, не удостоив каноника ответом. – И теперь покажу собранию то, что изобрел я, по милости Божьей, на этих днях.

Доктор вынул из ящика маленького жука, сделанного из какого-то черного металла, блестящего, как агат. В спину жука вкована была целая система зубчиков, рычагов и колес, а два закругленных рога кончались длинными спицами, положенными крест-накрест. Держа жука на ладони, доктор показал его зрителям и ключом повернул машинку. Жук зашипел, задвигался и побежал по столу, но, вместо того, чтобы упасть на измятую траву, плавно поднялся в воздух и с легким жужжанием, едва не задев гостей, полетел над их головами. Дамы вскрикнули, из мужчин многие, взглядывая со страхом на доктора, крестились⁹. Зацепившись за балконный шпиг, жук перевернулся два раза в воздухе и упал на крышу вверх ногами, продолжая двигаться и жужжать.

– Bravo! – провозгласил хозяин, хлопнув в ладоши. – Хлопцы, снимите жука с крыши и отнесите пану доктору. Благодарю, пан, – продолжал воевода, сжимая волшебнику руку.

Джон Ди равнодушно принимал поздравления гостей и их любезные восклицанья.

– А все-таки, это ересь, – настаивал на своем отец Антоний, подвертывая ножку и изящно подсакивая перед дамами, – и, ежели б узнал о том священный трибунал...

Но его никто не слушал. Новое лицо привлекло к себе всеобщее внимание.

– Самуил, – раздалось кругом.

---

⁹ В судьбе реального Джона Ди также был эпизод с публичной демонстрацией сконструированного им механического жука. Сей агрегат он запустил в зал во время студенческой театральной постановки комедии Аристофана «Мир», что произвело шокирующее впечатление на зрителей. Именно с этого случая, как утверждают биографы Джона Ди, и пошла гулять по миру его скандальная слава как колдуна.

Слепой еврей-цимбалист, поддерживаемый востроглазым мальчиком в рваном кафтане, сняв брыль, усаживался на скамье. Вдохновенно устремил он к небу незрячие белые глаза; пышная черная борода музыканта кудрявыми волнами струилась на могучую грудь.

Грянула польская мазурка. Гулкие звуки цимбал даже дряхлых старцев заставили ожить: двести пар помчались по широкой главной аллее между столетних дубов. Цветные платья и яркие кунтуши, длинные шлейфы и откидные рукава, пышные усы и воздушные, легкие прически, – все смешалось и вместе несло в вольном разгульном танце. Притоптывали лихо красные и желтые каблуки; танцоры, становясь на одно колено, ловили ручки дам, пожимали их нежно, целовали и, снова воспрянув, бурно мчались с восклицаниями и звоном шпор. Слепой музыкант звонко ударял медными ложками по натянутым струнам, и все бурней и неудержимей развертывалась могучая мазурка, и быстрее летели пары.

Под звуки музыки пан воевода и Джон Ди незаметно скрылись.

Глава девятая

Золотая жажда

Потайной зеленый фонарь, поблескивая слабо в вытянутой жилистой руке пана Адама, бросал неверный и трепещущий отблеск на стены подземелья, которым шел воевода серадзский, сопровождаемый рыжебородым доктором Джоном Ди. Долго оба рыцаря пробирались по скрытым переходам. Сперва прошли они узкий земляной коридор; затем вступили в обширные подвалы, где хранились заветные дедовские бутылки и бочки с вином. Здесь стены были гладко вымазаны глиной и устлан соломой убитый¹⁰ холодный пол. Дальше коридор, расширяясь, в несколько поворотов выводил в воеводин фамильный склеп, где в гробах, под гербами с латинскими эпитафиями, осененные боевыми шлемами, мечами и щитами с короной, почивали благородные предки Адама Олесского, славные рыцари, гетманы и воеводы. Гробы лежали рядами, тесно один к другому; кой-где сгнившая крыша позволяла видеть запыленный яркий лоскут полуистлевшего шелкового платья с прижатой к нему костяной рукой, или голый улыбающийся череп, как паутиной осененный тыся-

---

¹⁰ Убитый пол – т.е. хорошо утрамбованный, твердый.

чами высохших на нем прозрачных личинок. Иные тела странно сохранились и были белы, как мел, но от первого к ним прикосновенья мгновенно рассыпались и превращались в песок. Гулкие шаги долго звучали по подземелью; наконец, пан воевода остановился перед низкою, окованной железными обручами, дверью и с усилием отпер покоившийся на ней тяжелый замок. Пан и доктор вошли в комнату странного вида: здесь устроен был посередине остывший горн, виднелись котлы, чаши, стеклянные и литые из меди; разбросаны были клещи, пилы, разные орудия и снаряды. В углу чернелся дубовый станок, а с потолка грозно спускалась дыба. По мрачному и решительному виду взошедших можно было бы подумать, что оба они собираются кого-то пытаться.

Но не за тем каждую ночь спускались в темный подвал пан Олесский и доктор Ди: иные в уме у них роились мысли; и не даром целый год выжил ученый англичанин у серадзского воеводы.

Привычными руками скоро развели они огонь в подземелье и, когда пламя, затрещав, ярко осветило низкий свод, а потревоженная летучая мышь запорхала, слабо пища у них над головами, воевода, помолчав, сел на опрокинутый котел и спросил, закручивая нетерпеливо сивый огромный ус:

– Ну, что же, пан доктор, приступим к делу?

В голубых глазах англичанина мелькнули беглые искры.

– Приступим, – промолвил он, – но только ежели ты будешь слушать меня беспрекословно.

– Я послушаю тебя, – мрачно ответил воевода.

Тогда доктор встал и с помощью пана Адама поставил на огонь большой котел, доверху наполненный стекловидной застывшей мас-сой.

– Слушай же, пан Адам. Вот уже скоро год, как мы варим с тобой в подвале это зелье, на твоих глазах составленное мною из различных частей ртути, соли, селитры, крови птиц и животных и разного рода порошков. Теперь настал час, чтобы это чудесное варево превратилось, наконец, в чистейшее золото, способное дать тебе несметное количество денег. С помощью его ты можешь не только повернуть в пользу твою весь сейм, но купить всю Польшу и Литву с Московией на придачу. Только помни, что золото это тебе принадлежит, а не мне. Я в нем не нуждаюсь, ибо, стоит мне захотеть, и я куплю себе всю вселенную; только истинный мудрец всегда презирает деньги. Но не в том дело, пан. Ты знаешь, что тут не обходится

без нечистой силы, а потому последний опыт надлежит сделать только тому, кто хочет владеть этим богатством. Я оставлю тебя здесь одного и запру на ключ, ты же выжди, когда котел закипит, и брось в него горсть этого желтого порошка. Через три часа я вернусь и застану тебя владельцем огромного золотого слитка.

Доктор встал, не замечая смутного беспокойства, забродившего по толстому лицу воеводы. Улыбка пана Адама выражала не то дикую радость, не то странную неуверенность, можно бы сказать, боязнь, но разве есть что-нибудь на свете, чего бы могли бояться Олесские? И воевода, с равнодушным видом, проводил глазами вышедшего медленно чародея, а потом длинным железным прутом принялся размешивать жидкость в ворчавшем глухо котле.

Заперев пана Адама в подвале, доктор Ди быстро, почти бегом, пустился по коридорам, взвевая фиолетовыми полами одежды и пугая летучих мышей и крыс. Фонарь едва мерцал у него в руках, слабо указывая дорогу. На одном из поворотов, перед самым подвалом панских вин, какая-то белая тень отделилась от стены и упала на руки доктору Джону.

– Милый, милый, – шептала бессвязно пани Марианна, – наконец-то, наконец-то я свободна.

Доктор жадными поцелуями осыпал лицо и шею прекрасной панны.

– Ты запер, запер его, он останется там навсегда в подвале со своим проклятым золотом! О, какое счастье! Едем скорей, скорей, кони уже ждут нас.

Джон Ди обнял с нежностью пани Марианну; оба они двинулись было к выходу, но тут новая тень встала им на дороге.

– Ни с места, предатель! – прохрипел знакомый голос, до того измененный, что его с трудом узнали доктор и Марианна. Перед ними стоял пан Владислав Ходкевич. От суетливости его и проворства не оставалось следов; бледное лицо пылало негодованием, обнаженная сабля дрожала в его руке.

– Стой, песья кровь! Ты будешь драться со мною, подлец, или я убью тебя как собаку! – крикнул пан Владислав, загораживая доктору дорогу.

Но еще не договорил он своих слов, как Джон Ди выхватил меч и ловким ударом в грудь насквозь пронзил молодого рыцаря. Так, пригвожденный к стене, и остался стоять пан Владислав Ходкевич, залившись багряной кровью. Догорающими устами лепетал он бес-

сильные проклятья своему убийце, и скоро кудрявая голова его упала беспомощно на пробитую, с окровавленным торчащим булатом, грудь.

Едва доктор и Марианна выбежали из подземелья, как их оглушили неистовые крики, звон набата и гул толпы.

– Спасайтесь! Татары! – крикнул кто-то недалеко от них, и в тот же миг отряд узкоглазых, скуластых всадников в войлочных шляпах с визгом пролетел мимо на бойких лошадях. Стрела, просвистав, пробила бархатный берет доктора.

Джон Ди не растерялся. Он знал, что лошади ждут его за оградой костела. Пробираясь с Марианной вдоль тополевой аллеи, видел доктор, как метались по недавно оживленной лужайке растрепанные дамы с безумными лицами; вот упал на его глазах пан Витольд с пробитым стрелой виском; вот отцу Антонию захлестнуло петлей петушье горло. В разбитые окна балкона было видно, как в столовой валились с грохотом горы серебряной посуды и хрусталя, и плясал на столе, размахивая копьём, татарин.

Беглецам удалось ускользнуть незамеченными от глаз врагов. Вскочив на коней, они во весь дух понеслись к роще и скоро кудрявые заросли буков и дубов скрыли от взоров их пылающую Олиту.

Глава десятая

Так хочет Аллах

Перед тем, как налететь стайей хищных коршунов на древнюю Олиту, татары расположились полдничать верстах в сорока пути от замка пана Адама. В дикой привольной лощине раскинулся азиатский стан; присутствие самого хана сделало то, что даже вблизи нельзя было подумать, какая громада войска здесь таится. В молчании развязывались вьюки и не звенели котлы, только сучья трещали, и порядливо¹¹ в кружки усаживались перед огнем смуглые, бритоголовые, длинноусые крымцы. В чашах шипел кумыс, в таганах закипала густая каша.

Отдельно в ханском шатре сидели сам Девлет-Гирей, ширванский шах Ибрагим и прекрасная Сумбека со своим братом Юсуфом.

---

¹¹ От слова *порядок*.

– Отчего ты так задумчив, Ибрагим? – спрашивала царевна Сумбека; тонкие, с крашеными ногтями, пальцы ее поднесли к устам румяный гранат; под серебристой фатой длинное, полумесяцу подобное, лицо красавицы казалось еще прекрасней.

Шах отвечал Сумбеке красноречивым взором.

– Свет моих очей, заря востока, пери земного рая, как не задуматься мне? Едва заслышу твой соловьиный, жемчужный смех, как я уж себя не помню, наяву я или во сне, на земле или на небе. Только встречу твою улыбку, подобную лепесткам распустившейся алой розы, как я уже не знаю – человек я или крылатый бог; быть может, я певец зари и весны любовной, и будь у меня соловьиный дар, – только бы я и делал, что славил песней красавицу всех красавиц, розу всех роз, красу Казанского царства, прекрасную царевну Сумбеку!

– О! – сказал хан, приподняв густые брови и, улыбаясь, потрепал по плечу красноречивого Ибрагима, между тем, как юный Юсуф, полуоткрыв удивленно нежный рот, вопросительно глядел в глаза ширванскому шаху, – у нас в Крыму такие речи никому не проходят даром.

– Я говорю не даром, – сверкая взорами, отвечал юный шах, – слова мои исходят из сердца, как аромат розы из лепестков, и кто этому не поверит, будь он хоть ангел с неба, того я заставлю верить, клянусь мечом!

Хан Девлет лениво опять опустил на подушки, и кальян забулькал у его ног.

Царевна Сумбека засмеялась.

– Не бойся за свои слова, шах Ибрагим, – молвила она полунасмешливо, полугрустно, – обычаи Казанского царства позволяют мне без стеснения говорить о вещах, каких не ведают ваши персидские и турецкие рабыни, проводящие свой век в гаремах. Но ты избрал слишком прямой путь, и он, поверь, не всегда приводит к цели. Если же ты хочешь дожидаться от меня похвал, разгадай три моих загадки.

Шах укоризненно посмотрел на Сумбеку своими огромными глазами.

– Я не шучу, – продолжала царевна. – Отгадай мне, Ибрагим: у кого есть дыхание, а души нет?

Ибрагим молчал.

– У кого, милая Сумбека? – нетерпеливо спрашивал царевич, хватая сестру за руки и заглядывая ласково под её душистое покрывало.

– У ветра, – отозвался с подушек Девлет-Гирей.

– Верно, – воскликнула Сумбека и захлопала в ладоши, между тем как шах Ибрагим зарумянился от смущенья.

– А теперь, – продолжала она, – скажи мне, шах Ширвана, страны роз и соловьев, у кого была первая борода?

– Царевна, ты смеешься надо мной, – вскричал Ибрагим, вскочив с ковра, – я не заслужил насмешек!

– А я знаю, я знаю, – подпрыгивал от восторга царевич Юсуф.

– У кого же? – допрашивала царевна.

– Конечно, у Адама.

– Неправда, нет, у козла: козел был создан раньше Адама, – кричал царевич.

Третьей загадки никому не удалось услышать, потому что внезапно полы шатра распахнулись, и в ставку вошел Али, в сопровождении неизвестного человека.

Это был высокий бородатый москвит в меховой, несмотря на полуденную жару, огромной шапке и в богатом красном кафтане с золотыми кистями и разрезами по бокам.

– Откуда ты? – спросил удивленно хан Девлет, знаком приказав своему военачальнику удалиться.

Не отвечая, москвит уселся на ковер подле Юсуфа и, разглаживая широкую рыжую бороду, сказал на чистом татарском языке:

– Я был послан Царем к твоей милости, хан Девлет, но передовые твои меня перехватили с обозом. Прикажи отпустить нас восвояси.

Хан продолжал хмуриться и пускать синие кольца дыма.

– Зачем посылал тебя Царь? – вполголоса спросил он.

Тут московский посол встал и снял меховую шапку.

– Государь мой, царь и великий князь всея Руси, Иван Васильевич, велел мне, рабу своему, боярину Глебу Лихутину, сказать твоей ханской милости. Изволением Всевышнего собирается царь походом на Казанское царство, и чтобы ты, хан Девлет-Гирей, помня уговор свой и верное государское слово, не чинил нам в том никакой помехи, ниже обиды...

Глеб Лихутин не закончил своей посольской речи. Как раненная стрелой тигрица, метнулась к нему царица Сумбека и молнии

широких ее очей грозно ударили в забегавшие недоумело полусонные глаза боярина.

– Хлоп! – заговорила она, задыхаясь от гнева и с треском разрывая точеными белыми пальцами волнистые пряди затрепыхавшего в ее руках покрывала. – Прежде, чем ты со своим войском помыслишь подступить к священным стенам Казани, я, царевна Сумбека, велю повесить тебя на первом поганом дереве!

Боярин Лихутин поклонился царевне с важностью, коснувшись рукой земли.

– Не изволь гневаться попусту и поносить царского слугу. Слово не воробей. Не знал я, что ты тут сама, царевна. Вешать московского посла, да еще боярина, не годится.

– Сумбека, – мрачно промолвил хан, – ты не права. Я, точно, клялся царю Ивану блюсти с ним мир на долгие времена. И нельзя мне нарушить слова.

– Как? – вне себя от ярости кричала царевна. – Ты, мой брат и единоведец, не хочешь помочь мне спасти Казань от врагов! Дай хоть потешить мне в последний раз мое сердце: прикажи вздернуть на моих глазах проклятого московского мужика.

– И этого нельзя. Иванов посол – наш гость, и должны мы отпустить его с миром.

– Ступай, боярин! – продолжал хан Девлет. – И скажи своему владыке, что Аллах для всех равно справедлив, и что будущее судеб человеческих написано на небесах.

Глеб Лихутин надел шапку и, раздумчиво покачивая головою, вышел. В шатре продолжала бесноваться царевна Сумбека, осыпая укоризнами угрюмого брата. У царевича Юсуфа на длинных девичьих ресницах повисли две прозрачные, как топаз, слезы.

– Шах Ибрагим, – воскликнула вдруг Сумбека, – ты слышал, что говорил сейчас этот рыжий пес? Моему царству грозит беда. Если ты не отречешься от давешних своих слов, если ты хочешь быть моим любимым супругом, ты поможешь мне отстоять Казань от царя Ивана.

– Я твой, царевна. Весь Ширван по одному слову твоему встанет на защиту Казани, – отвечал хан дрожащим голосом, радостно засверкав очами.

– А теперь на коней! Хоть польской кровью залью мой гнев.

Сумбека хлопнула в ладоши и выбежала из шатра с криком: – На коней, вперед! – Дикий визг отвечал ей дружно, и в топоте загро-

хотавших копыт утонули яростные, как клекот орла, вопли разгневанной царевны.

Хан Девлет сложил на груди руки, встал и поклонился на восток.

– Аллах велик: да сбудется его воля.

Глава одиннадцатая

Тайна подземелья

Когда, охваченный рокочущим разливом пламенных языков, замок Олита уступил свирепому натиску буйного огня, и рухнула с треском вековая крыша, увенчанная крылатым шлемом и гербом владельца, изображавшим дракона и руку, вознесшую три меча, – тогда крикливая толпа татар отступила в невольном смятении перед обгорелой громадой, а хан Девлет, смотревший на буйное пожарище с окрестного холма, вдруг будто вспомнил о чем-то и знаком подозвал верного Али.

– Сказал ты, чтоб оцепили рощу?

– Сказал, великий хан.

– Никто не ушел из парка?

– Никто. Везде стоит моя стража и караулит все входы.

– Тогда ступай и прикажи затушить огонь.

Однако пламя долго не унималось и свирепствовало всю ночь. Только утром красные дымящиеся развалины с грудями сизо-черных камней и кучами раскаленного пеплу залили шипевшей водой и можно было пройти по пожарищу, не обжигая подошв.

На рассвете хан в сопровождении Ибрагима обошел печальные останки Олиты. Первым, кто встретил Девлет-Гирея при входе в полуразрушенные ворота парка, был посол московский, боярин Глеб Лихутин. Рыжий бородач казался слегка смущенным. Похоже было, он ищет что-то такое, что бы ему самому хотелось скрыть от чужих любопытных глаз. Покрякивая в раздумьи, посол то нагибался низко к земле, исследуя дымящийся обгорелый мусор, то вдруг, приподняв налившуюся с натуги в спутанных кудрях голову, начинал внимательно что-то соображать и, точно прислушиваясь, сомнительно оглядывал окрестность. Встреча с Лихутиным неприятно поразила хана и, ответив кивком на поклон боярина, он спросил сурово:

– Чего ты ищешь здесь, боярин?

– Милостивый хан, – отвечал, запинаясь, Глеб Лихутин, – ищу я ком золота: не видал ли?

При этой шутке Девлет-Гирей вздрогнул, а боярин залился громким хохотом.

– Много ты воли даешь себе, москвит! – сказал гневно хан.

Лихутин продолжал хохотать.

– Видать, что мы оба одно ищем, – сказал он, наконец, хитро подмигнув Девлет-Гирею. – Пойдем-ка вместе, не найдем ли двести¹².

Подле московского посла вертелся его толмач и писчик Садко, плешивый тщедушный дяк с медной чернильницей у пояса и в долгополом кафтане. Его острые черные глазки под дугообразными бровями точно прокалывали все, на что упал их взор. Отойдя немного в сторону, Садко нащупал что-то в камнях суковатой палкой, потом приблизился осторожно к боярину и шепнул:

– Нашел.

– Да ну? – обрадовался Лихутин. – Ну, что ж, брат, делать нечего, придется нам все поровну с басурманами поделить; ступай, веди.

Скоро в подземелье засверкали отсветы тусклых факелов и в сводчатый коридор начали один за другим спускаться: Али, озарявший дорогу, хан Девлет-Гирей, шах Ибрагим, боярин Глеб Лихутин и толмач Садко. У самого входа глазам их предстал мертвый пан Владислав Ходкевич, пригвожденный широким мечом к земляной стене. Свесившиеся бессильно руки его почти касались пола, рассыпавшиеся кудри занавешивали мертвое лицо; сквозь их волнистые пряди едва белели закатившиеся глаза и два ряда ослепительных зубов. Кровь густой запекшейся лужей багрила желтые сапоги покойнику.

– Ишь, какой здесь сторож-то знатный, – заметил Лихутин. – Недобрая встреча. А всего только с вечера и караулит-то парень.

– Хороший удар, – сказал Али и, касаясь рукояти меча, торчавшего из груди литовского витязя, прибавил: – Не наш и не польский. Русские тоже таких не носят.

– Это верно, – согласился Лихутин.

– Где же золото? – спросил Садко.

---

¹² Из пословицы: «Пойдем вместе, найдем двести, разделим по сту» (В.И. Даль).

Вопрос этот, сделанный по-русски, поняли все и, по знаку хана, Али опять понес извилистыми коридорами свой пылающий факел.

Миновав подвал с запасами вин и гробовую залу, путники подступили, наконец, к окованной железом, наглухо запертой двери. Когда попытки подобрать подходящий ключ не привели ни к чему, и на стук ответило за дверью глухое молчанье, Али, выйдя на несколько минут из подземелья, привел трех дюжих крымцев и велел им расколотить дверь тараном. Скоро, затрещав на петлях, повалилась дубовая твердыня. Клуб удушливого дыма, вылетев, ударил в лицо и в глаза взошедшим. На полу лежал мертвый серадзский воевода, пан Адам Олесский; с вылезшими на сизом лице глазами, с судорожно закушенной левой рукой, труп воеводы был страшен. Видимо, пан Адам задохся в дыму. В остывшем котле белела попрежнему густая стекловидная масса.

Хан и свита его были смущены. Боярин Лихутин покачивал недоверчиво головой и гладил рыжую бороду, избегая глазами спутников. Потом он вдруг оживился и, подойдя к хану, заговорил с поклоном:

– Милостивый хан! Видно, все те сказки о немце, что варил будто воеводе золото, оказались вздором. Да полно уж, был ли тот немец на самом деле?

Девлет-Гирей вместо ответа указал боярину на валявшийся вздутый труп.

– Кто же его запер здесь и кто пробил мечом того молодца? – спросил хан, пожав плечами.

– Шайтан! – послышалось среди татар.

– Нечистая сила, – прошептал Садко.

Гул раздался вдали. По коридору шло несколько человек. Все поспешили им навстречу.

Двое татар ввели связанного Джона и Марианну. Плащ на докторе был изорван, красивая золотистая борода – растрепана. Густые волосы пани Марианны рассыпались пышным водопадом по плечам. Увидя мертвого мужа, она задрожала испуганно и потупила взор.

Доктор казался спокоен, как всегда.

– Что ты за человек? – спросил его хан Девлет-Гирей.

– Я подданный Ее Величества Королевы, доктор Джон Ди, и прошу тебя, хан Крымский, Девлет-Гирей, отпустить меня и мою жену.

Ноздри хана яростно раздулись, лицо запылало гневом. Но доктор глядел ему в глаза так спокойно и величаво, что Девлет-Гирей не находил слов в ответ.

– Тебя-то мне и надо! – воскликнул вдруг Глеб Лихутин так громко, что все обернулись на него. Московский боярин раскраснелся и был, казалось, в большом волнении.

– Немецкий знахарь Яган! По указу нашего великого Государя, Царя и Великого князя Ивана Васильевича всея Руси, объявляю я тебе Его высокую волю: ехать тебе, Ягану, со мною к его государеву двору и быть главным дохтуром при царской Его особе.

Все окаменели от изумления, но больше всех изумился сам боярин, услышав от англичанина ответ на отчётливом русском языке:

– Хорошо. Я согласен и благодарю царя. Едем.

– Эй, Садко! – закричал обрадованный Лихутин. – Кликни наших, да живо в путь!

Хан в гнев шагнул к боярину и поднял руку. Тотчас же все тело его бессильно отяготело, он зашатался, опустил голову на грудь и будто задремал стоя. С недоумением и страхом смотрели боярин и Садко, как постепенно на их глазах засыпали Ибрагим, Али и слуги, повинувшись плавным движениям докторских белых рук.

Когда Лихутин со своим спутником выходил из подземелья, труп пана Владислава, скользнув, сорвался со стены и с глухим стуком повалился к ногам англичанина. Марианна отскочила с криком.

– Это, знать, ты убил его, – сказал, посмеиваясь, доктору Глеб Лихутин, – вот он тебя и почуял.

Джон Ди, не отвечая ни слова, вырвал из груди мертвеца свой меч, отер его, вложил в ножны, и все четверо, выйдя из подземелья, отправились в путь.

Глава двенадцатая Воля судьбы свершилась

– Зачем вы отпустили этого проклятого колдуна? – воскликнула царевна Сумбека, когда, очнувшись от тяжелого волшебного сна, брат и жених рассказали ей все, что с ними случилось в подземелье. – Теперь он поможет московскому царю овладеть Казанью, и я погибла.

И в отчаянии царевна заломила тонкие руки.

– Сумбека, – промолвил шах Ибрагим, – верь мне, еще не все пропало, мы успеем догнать их. Посол московитский едет медленно со своим тяжелым обозом; с ними вместе женщина, усталая и не привыкшая к дальнему пути. Скорее в погоню!

– А где твой перстень, Ибрагим? – спросила, вдруг побледнев, царевна.

Тут только увидел шах Ширванский, что заветный дар матери, черный перстень, исчез с его белой, как молоко, руки. От неожиданности не мог он произнести ни слова и только молча глядел остановившимися глазами в миндалевидные очи своей невесты.

– Твой перстень у колдуна, это он снял его, напустив на тебя нечистый сон. Ему ведомо чудесное свойство камня. Только не знает он, видно, того, что всякого, кто похитит драгоценное наследие ширванских шахов, ожидает страшная и гибельная кончина. А твое счастье, Ибрагим, все в этом черном перстне, и ты, во что бы то ни стало, должен его вернуть.

Скоро отряд казанских всадников во всех дух летел по дороге к московской границе. Впереди мчались царевна Сумбека и шах Ибрагим.

После знойного полудня боярин Глеб Лихутин приказал обозу свернуть с дороги в холодок и расположился со своими спутниками обедать. Знание доктором Ди русского языка позволяло ему свободно вести беседу с боярином без помощи толмача. Марианна понимала также иные слова московской речи, но усталость и пережитый страх так взволновали ее, что, отказавшись от яств и напитков, она ушла отдохнуть в наскоро разбитый шатер.

– Да здравствует царь Иван! – сказал громко доктор, подымая тяжелый дорожный кубок, налитый мальвазией до краев.

Лихутин осклабился и осушил до дна золотую чару.

– Ин спасибо на добром слове. Мы за нашего великого Государя готовы животы свои положить без остатку. Суди сам, Яган Карлыч: как воцарился на Руси наш Иван Васильевич, так и взошел над нами месяц ясный: просветлела вся Русь и преизбыточным обилием расцвела. В селах и посадах веселие, многие радости и довольство. В житницах хлеба вволю. Урожай небывалые год за годом. В долинах и лесах цвет воистину райский. Ягодичие и вертоград. Знать, великая звезда зародила нам Ивана.

Боярин по привычке разгладил рыжую бороду корявыми пальцами, но вдруг прислушался, вскочил, и взоры его сверкнули волчьим зеленоватым огоньком.

– Готовь пицали! По местам! – крикнул он властно.

Доктор выхватил меч из ножен и встал рядом с боярином. С пригорка скакал прямо на них татарский отряд. Лихутин разглядел белое, вьющееся покрывало Сумбеки и цветной тюрбан Ибрагима.

– Не подходи, стрелять будем! Что надо? – крикнул он по-татарски.

Тогда царевна махнула белым платком и, отделившись от всадников, подъехала шагом прямо к московской ставке.

– Боярин, – заговорила она, и голос ее, прерывистый и нежный, но гибкий, как сталь, полился, ломаясь; так призыв утомленной болотной птицы дрожит вечерней зарей в стихнувшем камыше; такая трепетала в голосе царевны истомная нега; буйный гнев, владевший безумной ее душой, переплавился в нежный пламень ясных серебряно-чистых звуков, и странно и сладостно было слушать ее зазвеневшую замирающую речь. – Боярин, мы не хотим головы твоей, и ты нас не бойся. Но вот подле тебя стоит колдун и вор. Зачем ты везешь повелителю своему этого злодея? Слушай меня, боярин, я знаю многое, о чем и помыслить нельзя иному: покинь этого изменника, он не доброе принесет царю. Но это твое дело, знаю, не послушаешь ты меня: вели же ему отдать перстень жениха моего, Ширванского шаха. Он украл его с руки у Ибрагима, тайно, как вор, оковав чародейною дремотой и его, и брата моего Девлет-Гирея, и всю ханскую свиту. Прикажи, чтобы злодей отдал добром мне перстень, не то горе тебе и всему роду и племени твоему!

Сумбека смолкла и ожидала ответа, глядя пристально в глаза доктору.

– Яган Карлыч, что ж это? Отдай ей, ну его к шуту, – заговорил растерянно боярин, бегая взглядом от англичанина к царевне и от царевны к своему толмачу Садко, будто ища у того помощи и совета.

Доктор Джон Ди медленно выступил вперед и обратился к Сумбеке.

– Перстня я не брал, и у меня его нет.

– Ты лжешь, изменник! Или еще не знаешь ты, какие беды и несчастья таит в себе этот талисман? Чего тебе хочется еще?

Чародей и царевна меряли взорами друг друга.

– Я все знаю, – спокойно ответил англичанин. – Оставьте меня.

Внезапно шах Ибрагим поднял на дыбы коня своего и с занесенной саблей кинулся к англичанину. Черный смерч пронесся кругом; пыль закрутилась густым клубом; со свистом разбрасывал ветер прах. Лошади дико ржали, не повинаясь всадникам, крики людей растворялись в шипящем свисте. Глеб Лихутин закрылся обеими руками от пыли и смутно, как сквозь сон, чувал, как колдун, ухватив его за рукав, повлек к лошадям. Боярин очнулся только в дороге, между Джоном Ди и Марианной, мчавшимися во весь опор.

– А где ж мои люди, где Садко? – спрашивал, тревожно озираясь, Глеб Лихутин.

– Не поминай их, скорее, скорей вперед!

Царевна Сумбека очнулась не вдруг. Когда в вечерних красных струях на догоревшем закате встала она и пошла, шатаясь, глазам ее представилось поле мертвых тел. Кой-где стонали еще издыхающие кони. У самого шатра, опрокинутого и смятого налетевшей бурей, лежал шах Ибрагим. Нежно-белое лицо его в черных волнах кудрей и шелковистой бороды было прекрасно. Огромные глаза, не мигая, смотрели в небо.

Сумбека встала над поверженным женихом, сжимая бьющиеся виски.

Сердце ее остановилось.

Глава тринадцатая

Чародей у царя Ивана

В Грановитой палате с ранней поры закипело оживление: сегодня царем Иваном назначен торжественный прием заморскому знахарю и чародею, доктору Ягану Карловичу Дею: так называли в Московии доктора Джона Ди. Дворцовые служители чисто-начисто вымели гладкий пол в палате и разостлали вдоль трона богатые, вышитые цветным шелком и золотом, персидские ковры. Маленькие слюдяные окна, несмотря на чудесный сентябрьский день, были плотно закрыты, ибо желтая и червонно-голубая листва, облетая с деревьев, ненароком пропархивала в палату, и дрожащий золотой лист начинал порой трепетать то на ткани узорного ковра, то на малиново-бархатном царском сиденье, то на вырезной спинке трона, осененного двуглавым византийским орлом.

Кремлевские башни, соборы и дворцы, построенные флорентийским зодчим Алевизи, поблескивали весело на солнце яркостью свежих красок, и галочки крикливые стаи то осыпали их внезапно черным дождем, то обволакивали нависавшей сквозившей паутиной.

Понемногу Грановитая палата наполнялась боярами. Пришел постельничий Адашев¹³, ближний советник царский, кудрявый, пле-

---

¹³ При дворе Ивана Грозного было двое Адашевых – братья Алексей и Даниил. Наиболее известен в русской исторической памяти Алексей. И, скорее всего, именно его и имеет в виду Садовской, хотя, как явствует из дальнейшего текста, называет его Даниилом. Вот что писал о нем знаменитый историк Н.П. Лихачев в Русском биографическом словаре А.А. Половцева, хорошо знакомом Садовскому: «Адашев, Алексей Федорович, сын боярина Федора Григорьевича, принадлежит к числу замечательнейших русских людей XVI столетия. <...> Личность эта, может быть, и менее талантливая, чем некоторые из современных ему политических дельцов, сияет таким ярким светом доброты и непрочности, является таким образцом филантропа и гуманиста XVI века, что нетрудно понять обаяние ее на все окружающее <...> Родился Алексей Адашев в богатой, но не особенно родовитой семье костромских вотчинников. <...> Первые же упоминания Алексея Адашева в источниках говорят о его близости к юному великому князю. Было даже сделано предположение, что Алексей Адашев воспитывался вместе с Иваном IV. Судя по тому, что в 1547 году Адашев был уже женат на Анастасии Сатиной, следует думать, что он был старше государя на несколько лет. Разница в возрасте, во всяком случае, была незначительна, чем и объясняется сближение царя Ивана с молодым костромским “сыном боярским”. Два брата – Алексей и Данила Федоровичи Адашевы в чине свадьбы Ивана IV – 3 февраля 1547 года участвуют как стряпчие и стелют постель новобрачных. Алексей Федорович является, кроме того, спальником и по обряду идет с великим князем в баню. <...> В разрядах в июле 1547 года Алексей Федорович упоминается в числе рынд при государе. Эти факты указывают на положение молодого Адашева в момент его возвышения: он был комнатным спальником и стряпчим. Как всегда, государевы постельничие и подведомственные им чиновники сближались с особой государя и приобретали большее или меньшее значение в придворном мире, смотря по своим способностям и степени влияния на царя <...>. Еще в 1552 году Адашев ездил с важным дипломатическим поручением к царю Шиг-Алею (Шах-Али. – Ю.И.) в Казань, теперь же он начал управлять дипломатическими сношениями во-

чистый, с голубыми, открытыми глазами; как-то суетливо отмахиваясь от поклонов, прошел он к трону и остановился справа, оглядывая прибывавшую толпу. Среди царедворцев с важностью расхаживал и боярин Лихутин; гордясь тем, что привёз-таки к царю знаменитого знахаря, рыжий посол самодовольно побрякивал, оправляясь и одергивая широкий цветистый пояс, и запускал обе пятерни в широко расчесанную масляную бороду, осенявшую ему брюхо.

Когда бояре разместились вдоль стен и на ступенях трона, загремели трубы и при звоне колоколов царь Иван Васильевич вступил в палату.

Все головы низко склонились ему навстречу.

Царь Иван был в полном расцвете мужества, красоты и силы. Ему недавно исполнилось двадцать лет. Прекрасное удлиненное лицо его, с орлиным носом и серыми, немного выпуклыми глазами, под шапкой темных кудрей казалось еще прекрасней. В золототканом одеянии своем, в венце Мономаха и царских бармах, высокий,

---

обще, принимал послов, первенствовал в переговорах с ними. Все более и более расширялся круг деятельности этого талантливого и симпатичного человека. Он получил в заведывание государственный архив, вел государственную летопись, приготавливая, что писать в “летописец лет новых”. <...> Немного лет продолжалась государственная деятельность Алексея Адашева, но осталась резко заметной, “ибо”, как выразился Карамзин, “сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию царя и погиб с нею...” <...> Со времени своей болезни в 1553 году государь затаил недоверие к Избранной раде, да и как он мог доверять ей, когда она почти в полном составе стояла в вопросе о престолонаследии за князя Владимира Андреевича. А потом возникли новые недоразумения. Рада настаивала на покорении Крыма, Иван IV и Захарьины стремились к Балтийскому морю и желали полного покорения Ливонии. Положение дел становилось все более и более натянутым, Алексей Адашев не выдержал и, как говорят, по собственной просьбе в мае 1560 года был отправлен в Ливонию в качестве третьего воеводы большого полка. <...> В сентябре того же года по приказанию царя окольные Алексей и Данила Федоровичи Адашевы оставлены воеводами в новозавоеванном Феллине. Это была уже явная опала. <...> Гроза разразилась со страшной быстротой: в начале октября 1560 г. имения Алексея Адашева были уже отписаны на государя, сам он заключен в тюрьму и начался свирепый розыск, окончившийся истреблением всех живых Адашевых с их ближайшими родичами» [Лихачев 1896].

стройный, как тополь, московский государь поражал величием и благородством осанки. Быстрые очи его взирали благовольтельно на толпу бояр; на их приветствия царь ответил наклоением головы.

Однако, уже и в ту пору, перед покорением Казани, проглядывали в царе странные и диковинные черты, отвращавшие от него друзей и как будто несносные подчас самому Ивану. Причудливые странности в обычае и нраве царя выражались разнно. То, катаясь верхом по улицам Москвы, вдруг напускал он неожиданно борзого аргамака на мирных горожан, с гиканьем топтал конскими копытами и давил насмерть детей и жен; будто опьянелый, закусив губы до крови и тяжело дыша, любовался царь дико на изувеченные жертвы своей безумной потехи. То, взойдя в церковь во время божественной литургии, проходил прямо в алтарь, брал у перепуганного священника чашу с Дарами и тут же причащался сам на глазах у пастыря. Иногда находили на царя причуды еще странней и нелепей: изощрялся он тогда в мучительствах тонких и необычайных: то бороды приказывал палить смолой виноватым, то травил их борзыми, то по указу его сажали провинившегося боярина в курятник и там держали с курами, пока не изнеможет от голоду боярин. Разное делал царь Иван, но редко на него находила пора безумства и мало кто страдал от нее, ибо никого царь не убивал до смерти, а только потешался.

Сев на трон, Иван Васильевич окинул собрание острым взором и спросил вполголоса у Адашева:

– Где же отец Сильвестр¹⁴?

---

¹⁴ Сильвестр (конец XV в. – ок. 1565) – церковный, политический и литературный деятель, протопоп Благовещенского собора Московского Кремля. Приводим сведения о нем из статьи современного авторитетного историка Н.Л. Пушкиревой: «Став к 1549 г. одним из самых приближенных к царю людей (указание на то, что он был избран “для совета в духовных делах и спасения души” позволяло даже предполагать, что он мог быть духовником молодого правителя), вошел в Избранную раду. По позднейшим воспоминаниям царя и запискам А. Курбского, Сильвестр “детскими страшилами” толкнул царя на путь реформирования управления страной с помощью новых советников, которые и были подобраны по наставлениям и указаниям Сильвестра и близкого ему по взглядам А.Ф. Адашева. <...> В 1551 г. принимал участие в работе Стоглавого собора. Составил программу реформ православной церкви в виде царских вопросов к Собору. Умел влиять на царя опосредовано,

– По твоему указу, великий Государь, отец протопоп в Отрочь-монастырь еще с вечерень уехал.

Царь улыбнулся с довольным видом, а плечистый Адашев, опершись сановито на длинный рыбьего зуба жезл, возгласил:

– Боярин Глеб Лихутин, наш великий Государь жалует тебе пятьдесят соболей на шубу.

Лихутин покраснелся, как девушка и, выступив перед царем из толпы, низко поклонился.

– Глеб, – продолжал царь, – ты поручение наше исполнил истово, и тобой мы довольны. Служи и впредь так же, без награды не будешь.

через близких тому людей. С 1553 г. – с болезнью царя – началась “остуда” Ивана Васильевича к Сильвестру. После выздоровления Грозного известие о том, что Сильвестр с Адашевым в дни болезни правителя не пожелали присягать малолетнему царскому сыну Дмитрию Ивановичу, но, напротив, оказали поддержку двоюродному брату царя старицкому князю Владимиру Андреевичу, стало причиной резкого охлаждения отношений между царем и Сильвестром. Сильвестр был отстранен от государственных дел и вынужден был ограничиться обычной иерейской службой в своей церкви. Именно к этому времени относят его работу над составлением свода правил повседневного поведения горожанина – знаменитого Домостроя. <...> В 1560 г. после возникших слухов о мифической причастности Сильвестра и Адашева к смерти царицы Анастасии Романовой Захарьиной Адашев был направлен в действующую армию, а Сильвестр – окончательно удален от двора, сослан в Соловецкий, а оттуда – переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. Там он постригся в монахи под именем Спиридона и умер ок. 1565 г. в Вологде. Имя Сильвестра сохранилось в культурной памяти и как имя собирателя рукописных книг, содействовавшего их изготовлению, равно как и икон. По инициативе Сильвестра был составлен реестр сюжетов “стенного бытеевского письма” (картин из библейской книги Бытия), украсивших Золотую палату Кремлевского дворца. Реестр отразил идеальное видение Сильвестром праведного царствования и способствовал прославлению жизни и подвигов молодого царя. В своих посланиях (А.Б. Шуйскому-Горбатову, царю и его приближенным) Сильвестр касался прав и обязанностей церковных иерархов, государственных деятелей и самого русского правителя. Выступая сторонником самодержавной власти, он требовал активного участия боярской аристократии в управлении» [Пушкарева].

Затем Иван Васильевич сделал знак Адашеву; постельничий шепнул два слова стольникам; белые рынды зашевелились и золотые топорики сверкнули над серебром их парчовых кафтанов: взошел доктор Джон Ди.

Теперь чародей весь был в черном бархате, и тяжелая золотая цепь, змеясь на его груди, слепила глаза подбором чистейших бриллиантов. Рыжие волосы доктора завиты были в кудрявые волны и падали ему до половины спины. Остановясь перед тронем, англичанин преклонил колено и прижал почтительно к груди белую, в кружевной манжете, руку.

Царь пристально вглядывался соколиными очами в холодное лицо волшебника.

– Встань, Яган! – милостиво сказал он, наконец. – Хочешь ли ты служить нашему величеству верой и правдой?

– Буду служить тебе, великий Царь! – отвечал доктор.

Бояре, тесно сбившись, во все глаза глядели на чародея. Иные украдкой крестились и шептали молитвы.

– Отвечай же мне по правде, Яган, – продолжал царь, – ведомо ли тебе, что за ведовство и богопротивные дела в царстве моем казнят виновных лютою смертью: живыми жгут колдунов?

Легкая улыбка тронула уста доктора.

– Великий Царь, – отвечал он, левую руку кладя на рукоять меча, а правую подняв к образу Спасителя с теплившейся перед ним лампадой. – Клянусь тебе ликом Предвечного Бога и святыми соборами Кремля, что все, что я творю, не от лукавого идет, а дано мне милостью свыше.

Молчаливое напряжение сановной толпы разрешилось вздохами и облегченными восклицаниями вполголоса. Царь с довольным видом оглядел своих слуг.

– Да не помыслит никто, что мы идем против Бога, – строго вымолвил он и хотел обратиться к доктору, как в дверях послышался новый голос:

– Не против Бога, а против святоотческого закона идешь ты, православный царь. Недостойно государю всея Руси, ревнителю святой веры и единой церкви, предаваться волхованию и чародейству.

В дверях, прямо против царя, стоял отец Сильвестр, высокий седоволосый старец, и гневно глядел на англичанина. Царь нетерпеливо повернулся на троне.

– Отец Сильвестр, зачем ты смущаешь нас? Чем преступили мы отеческий закон?

– А тем, что немец собирается творить чудеса во дворце твоём. Благочестивый царь! Вспомни волхва Симона¹⁵ и что с ним случилось. Днесь и я, недостойный, по примеру апостола, низвергаю дерзновенного и властью духовного отца кладу запрет.

Джон Ди сделал было два шага к протопопу, подымая руку.

– Не крестись, немец: знаю, что ты не отступил от Христа, но ведь и сами бесы в неистовстве своем Богу веруют, страшатся Его и перед Ним трепещут.

Сильвестр торжественно повернулся и с порога еще раз оглянул царя.

– Государь, послушай меня. В последний раз говорю: не на доброе идешь ты дело.

И он величаво вышел. Иван Васильевич в задумчивости провожал его глазами; придворные, окаменев, тревожно глядели на царя; доктор Джон Ди улыбался.

Глава четырнадцатая

Царь и чародей

Иван Васильевич полюбил подолгу уединяться в покоях своих с чужеземным лекарем, и скоро в Москве шепотом заговорили: видно, доктор Дей впрямь кудесник: совсем околдовал молодого государя, что предпочитает он долгие беседы с чернокнижником мудрым поучениям отца Сильвестра.

Однажды царь, уступая почтительным просьбам англичанина, решил показать ему свою, государеву, библиотеку, и в один из погожих февральских вечеров, в сопровождении Данилы Адашева повел Джона Ди по таинственным дворцовым переходам в подвалы одной из кремлевских башен. Тяжелый свет дрожащего фонаря от-

---

¹⁵ Симон-волхв (или Симон-маг), родом из Самарии, современник апостолов (I в. н. э.). Считается основателем гностического лжеучения. С помощью подкупа стремился обрести дар священства. В дальнейшем деяния подобного рода получили название «симония». Священные каноны с особой строгостью преследовали симонию. Симон-волхв также вошел в историю религии тем, что объявил себя воплощением Троицы в одном лице. Низвержен за святотатство апостолом Петром.

крыл взорам царя и его спутников бесконечные ряды больших книг и старинных свитков. Доктор начал их усердно перелистывать дрожащими от волнения руками; редкости царских книжных сокровищ растопили даже его ледяное сердце. Увидя дивный евангельский манускрипт с тончайшими, будто девичьей ресницей выведенными миниатюрами, на толстой белой коже, Джон Ди не мог побороть невольного восхищения; упал на колени и, простирая руки к книжным полкам, воскликнул:

– Все, что имею, отца и мать и жену с детьми, все отдал бы за обладание одною такою книгой!

Иван Васильевич милостиво улыбался.

– Погоди, Яган, то ли еще увидишь.

Дальше потянулись перед очарованным доктором такие книги и рисунки, такие рукописи на телячьей, свиной и даже на человеческой коже, что англичанин только вздыхал и жмурился, как бы от яркого солнца¹⁶.

Царю приятно было видеть изумление ученейшего во всем мире человека при виде его сокровищ. Расположившись с удобством в низком дубовом кресле, между двумя стенами редчайших книг, Иван Васильевич приказал Адашеву и доктору Джону Ди сесть у его ног и повел с ними долгую беседу.

Коснувшись любимых своих богословских споров и найдя в докторе Ди надежного себе союзника, царь незаметно перешел к наиболее привлекавшему его с юных лет вопросу.

---

¹⁶ В сюжете с библиотекой Ивана Грозного сказался библиофильский интерес Садовского. Он был страстным книжником, не упускал случая пополнить свою библиотеку редкими изданиями, нужными ему для работы. Состоял в знакомстве с известнейшими коллекционерами и книжниками обеих столиц, в частности, с Б.В. Никольским и Н.Н. Черногобувым, владельцами автографов своего кумира А.А. Фета. На библиофильскую тему у Садовского есть рассказ «Конец книголюба», в основе которого была реальная история, когда А.С. Суворин для переиздания легендарной книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» взял под расписку у коллекционера П.В. Щапова редчайший прижизненный экземпляр, который типографские наборщики, не предупрежденные о ценности раритета, испортили, растащив по листочкам, что стало причиной скоропостижной смерти его владельца.

– Слыхали мы, Яган, – сказал он, понижая голос, – будто умеешь ты властью своею вызывать мертвых?

Доктор потупился.

– Государь, точно, эта власть мне дана, но сам ты знаешь, как смотрят у нас на то духовные лица.

Царь перебил англичанина веселым смехом.

– Духовные нам не указ. Здесь нету отца Сильвестра, а Данило не таков, чтобы лишнее болтать. Так ли?

– Сущая правда, Государь, – ответил Адашев, боязливо косясь на доктора.

– Вызови же нам, Яган, кого-нибудь с того света, хочу я видеть своими глазами мертвых.

– Нельзя так сразу, государь: нужно для того иметь силу по-требную, подготовить себя постом, надо выбрать время...

– Сам назначь нам время, только исполни мою волю, слышишь, я тебе приказываю, Яган.

– В среду, через неделю, на этом месте, – прошептал Джон Ди.

Ровно через неделю царь со своим любимцем Адашевым ожидали в библиотеке опытов чародея. Иван Васильевич был сильно бледен, но казался веселым. Адашев даже похудел за эти дни. Чувал он, что затевается богопротивное дело, но не смел перечить царю.

Доктор, одетый в черное, широкое, как у монаха, платье, раздул маленькую жаровню и бросил в нее горсть пахучих зерен. Аромат благоухающих смол провеял по подземелью.

– Кого хочешь ты видеть, Государь? – спросил кудесник.

– Вызови мне предка моего, варяжского князя Рюрика, – шепотом отвечал царь.

Джон Ди поклонился и, подойдя вновь к жаровне, положил на красневшие уголья щепотку белого порошку. Синий дым, закрубившись, взлетел рдяным облаком и, подобно лунному свету, заткал низкий потолок и книжные стены голубоватым сиянием.

– Смотри сюда в угол, Государь, – зашептал доктор, – только не говори ни слова.

В темном углу будто какая-то тень зашевелилась, и в неясных очертаниях показались мало-помалу могучие плечи и широкая грудь пожилого воина. Лицо его низко было опущено на грудь, толстые губы шептали что-то, шевеля концами длинных седых усов. Рюрик поднял голову с остриженными седыми волосами; в ухе его блесну-

ла зеленая серьга; вот он оперся о рукоять меча обеими огромными руками, переступил два раза...

Царь приподнялся и открыл было рот; доктор махнул рукой, и видение тотчас скрылось.

– Не говори ни слова, Государь, прошу тебя, – настаивал, хмурясь, доктор, – не то большая будет беда.

Адашев охал и крестился, отирая со лба руками пот.

– Не бойся, боярин, – с усмешкой промолвил доктор. – Кого еще хочешь ты видеть, Государь?

Иван Васильевич тяжело дышал.

– Никого... довольно... устал я... Воздуху, воздуху скорее!

Доктор бросился к царю и вместе с Адашевым вывел его на зубчатый переход завечеревшей башни.

На другой день в торжественном собрании бояр царем Иваном объявлен был поход на Казанское царство, и посол царевны Сумбеки, мурза Епанча, в тот же вечер выехал домой из Москвы с недобрыми вестями.

Угрюм и мрачен сидел глубокою ночью доктор Джон Ди в своей тесовой светлице. Несколько толстых разогнутых книг валялось по лавкам и на полу; на стене висел фиолетовый бархатный плащ, тяжелый меч и шляпа с белыми страусовыми перьями. За стеной слышались сонные вздохи и легкий порой бред Марианны.

– Милый, дорогой, как ты прекрасен, как я люблю тебя, – шептала она во сне.

– Кого ты любишь? Меня? – спросил громко доктор.

– Нет, не тебя, – отвечала спящая.

– Кого же?

Тут Марианна заметалась на постели и, застонав, пробудилась. Скоро приветливое лицо ее показалось в дверях. Доктор сидел за книгой, глубоко погруженный в чтение.

– Какой я видела чудный сон, – сказала пани Марианна, садясь рядом с Джоном Ди и разглаживая ласково тонкими пальцами густую россыпь его золотых кудрей.

– Да?

– Я видела, будто всадник в огненной одежде мчал меня на белом коне через снежные поля и дебри, а косы мои, распустясь, хлестали и бились о конские копыта. Конь летел все быстрее, и каждый удар его подкованных ног будто попадал мне прямо в самое сердце. Но больно мне не было оттого, а сладко было...

Джон Ди быстро поднес к глазам Марианны черный блестящий перстень; на камне был вырезан белый ворон.

– Спи, Марианна, – приказал он и сам снес на руках в постель крепко заснувшую жену.

– Проклятие... слова татарской колдуньи начинают сбываться... – бормотал он, возвращаясь к своему столу, – но впрочем... попробую.

Он поставил перед зажженной свечой небольшое зеркало в железной оправе и долго гляделся в туманное стекло.

– Опять дым... и те же, всё те же лица...

В окошко раздался стук.

– Кто там? – спросил доктор, взглянув в потемневший двор.

– Дохтура к Государю, – ответил с надворья сиплый окрик.

– Государю неможется?

– Оборони Бог! – отвечал незримый посланец. – Приказал тебе великий Государь взять с собой зеркало и свечу.

Джон Ди усмехнулся горько.

– Иду сейчас, – крикнул он в окно и прибавил тихо про себя: – поздно теперь гадать о том, что скоро само свершится.

Глава пятнадцатая

Последний опыт Джона Ди

– Род наш, великих царей московских, происходит от римлянина Пруса, брата Августа, Кесаря римского; был тот Прус-римлянин человек добронравный и благородный, и Рюрик князь только лишь дальним потомком доводится Кесареву брату Прусу. И отпуская брата своего к варягам, заповедал ему мудрый Кесарь Август носить всю жизнь при себе некий черный перстень-талисман с образом вещицы птицы. Талисман тот потерял князь Рюрик во дни переселения своего на Русь, а потомки его, мои благочестивые предки, дед, Великий князь Иван, и блаженной памяти родитель, князь Василий, заменили образ птицы вещицы образом птицы победной: двухголового греческого орла. Так днесь Восток победил Запад, Греция – Рим, так и православная вера одолеет католическую неправую веру.

– Где ж тот талисман, Государь? – спросил доктор и вздрогнул от брошенного на него царем пристального косого взгляда.

В царском шатре было сумеречно и странно. Вдали мерцала обложенная русскими войсками белобашенная Казань; сторожевые

оклики приносились порою со свежих весенних берегов; там тихо струилась Волга.

– Талисман неведомо где. Но есть предание в роде нашем, что същется со временем оный перстень и дастся тому потомку Прусову, которому суждено быть предпоследним из Рюрикова рода. И настанет тогда великая туча и лихолетье на Руси.

Царь замолчал, по-прежнему посматривая исподлобья на доктора, почтительно ожидавшего у входа.

– Яган, умеешь ты делать золото? – спросил вдруг царь.

– Нет, Государь, не умею.

– А какую женщину ты держишь в шатре своем?

– Или тебе не ведомо, Государь? То моя жена.

Иван Васильевич пылающим взором пронизывал чародея.

– Не жена она тебе, а женка. А золото делать ты умеешь?

– Я уж сказал тебе, Государь, – с легким изумлением отозвался доктор, – что не умею.

– Не умеешь?

Джон Ди молчал.

– Не умеешь? – повторил царь тихо, но в голосе его, низком, как тихий змеиный шелест, послышались шорохи издали подступающей бури. – Люди! – вскрикнул он громко. – Сюда!

Взошел поспешно боярин Глеб Лихутин в полном вооружении.

– Взять колдуна! – приказал царь, – а беспутную его женку привезь ко мне.

– Я умею делать золото, – поспешно заговорил доктор.

Царь махнул рукою. Англичанина увели.

Толстые стены города Казани рухнули, наконец, при громких победных кликах. Долго шум битвы оглашал окрестности, и мрачно внимал ему, сидя в подземном заточеньи, скованный доктор Джон Ди. На его тонких, затянутых в шелковые чулки, ногах набиты были огромные дубовые колодки, платье было полуизорвано, кудри спутались, нежные руки потемнели от грязи.

Временами он усмехался, и тогда лицо его сияло злобным, мстительным торжеством.

Однажды в полдень в темницу его спустилась стража и повела за собой. Скоро Джон Ди предстал перед царем в низком зале бывшего дворца Сумбеки.

Царский трон окружали воины в изрубленных доспехах. У многих были шрамы на лицах и кровавые повязки на головах. Царевна Сумбека и брат ее, царевич Юсуф, свободные, стояли поодаль.

Когда привели доктора, царь долго смотрел ему в лицо и заговорил медленно, отбивая каждое слово:

– Бывший мой слуга, немецкий знахарь Яган. Дерзостный твой обман обнаружен ныне. Чернокнижием и волшебством извел ты наложницу свою, ляхиню Марьяну, и ныне она оттого одержима бесом. Многое поведала она о тебе и богомерзких делах твоих. Оба вы, как предавшие души свои сатане, повинны смерти.

Доктор обвел спокойными глазами ряд враждебных лиц. Взгляд его встретился с горящим взором Сумбеки.

Джон Ди взмахнул рукой, и черный перстень покатился к ногам царевны.

– Будь он проклят вместе с тобой, колдун! – вскричала Сумбека. – Поздно ты отдал мне его, слишком поздно!

Она залилась слезами.

Царь Иван приподнялся на троне и знаком приказал подать себе роковой талисман. Страшно исказились черты его при виде черного камня; вырезан был на камне белый ворон. Долго глядел на него царь и явственно вдруг увидел, как белое изображение вещи птицы будто налилось кровью.

В это время двое прислужников ввели Марианну. Дико озираясь, она бросилась к Джону Ди и с громким хохотом охватила его руками.

– Нет, не ты! Ха-ха-ха! Ты был первый! Он последний! Любимый мой! Ха-ха-ха! Как он прекрасен, как я люблю его!

Она устремилась к царю, но стража ее оттолкнула, и Марианна очутилась в дюжих объятиях Лихутина.

– Глеб! – приказал царь, – учинить над колдуньей суд, тот, что чинят с ведьмами в Угорской земле. Привязать ее к хвосту коня и гнать степью, дондеже размыкается тело и источится кровь.

Марианна, спотыкаясь от хохота, выбежала из залы. Слышно было в окно грозное ржанье могучего жеребца; несколько минут затем прошло в молчании; после вдруг что-то сразу хрустнуло, свистнул бич и раздались безумные, раздирающие сердце вопли. Все вздрогнули; перстень выпал из рук царя. Долго еще ударялся вдалеке перебивчатый конский топот.

– Царевна Сумбека, – продолжал царь, – дарю тебе и брату твоему свободу. Выбирай сама, где хочется тебе жить.

– Отпусти нас в Крым, к брату Девлет-Гирею, – отвечала Сумбека.

– Быть по-твоему, – молвил царь. – Возьмите в провожатые себе боярина Глеба и поезжайте с Богом.

– А ты, – заключил царь, обратясь к угрюмому англичанину, – завтра узнаешь свою участь.

С утра на берегу Волги застучали плотничьи топоры; огромный дубовый столб встал над тихим зеленым плесом, глядясь в широкие воды; обнесенный срубом, весь он завален был хворостом, соломой и мхом. Чародея привязали к верхушке столба; с вышины ему видны были неоглядные заволжские луга с их цветущим привольем, с отдаленным говором двигавшихся в небе гусиных и лебединых стай, с перекличками диких уток над зубчатым лесом. Болота и озера светлелись далеко; кой-где маячили меж ними голубые курганы. Орел взвился с ближнего пригорка, осторожно покружил над затлевающимся срубом и полетел прочь. Густыми, тяжелыми облаками повалил дым, принудив доктора закашляться до слез. Молча выжидал он, стиснув зубами губы; кровь заструилась по рыжей бороде. Огонь лизнул колдуну босые ноги и потянулся дальше; вот затрещали золотистые кудри; в последний раз глянул из дымных сизых волн помутненный взор, и вороньим криком резко промчался стон предсмертный.

Долго искали черный перстень царские слуги и не могли найти. Как в воду канул зловещий талисман. Царь Иван Васильевич возвратился с дружиною в Москву, и скоро наступила грозная вторая половина царения его, на костях и крови бояр; и стаями волков поскакали по Руси полчища опричников¹⁷, выметая измену.

1914

Борис Садовской

---

¹⁷ Опричнина была утверждена не «скоро», а спустя 12 лет после взятия Казани, в январе 1565 года.